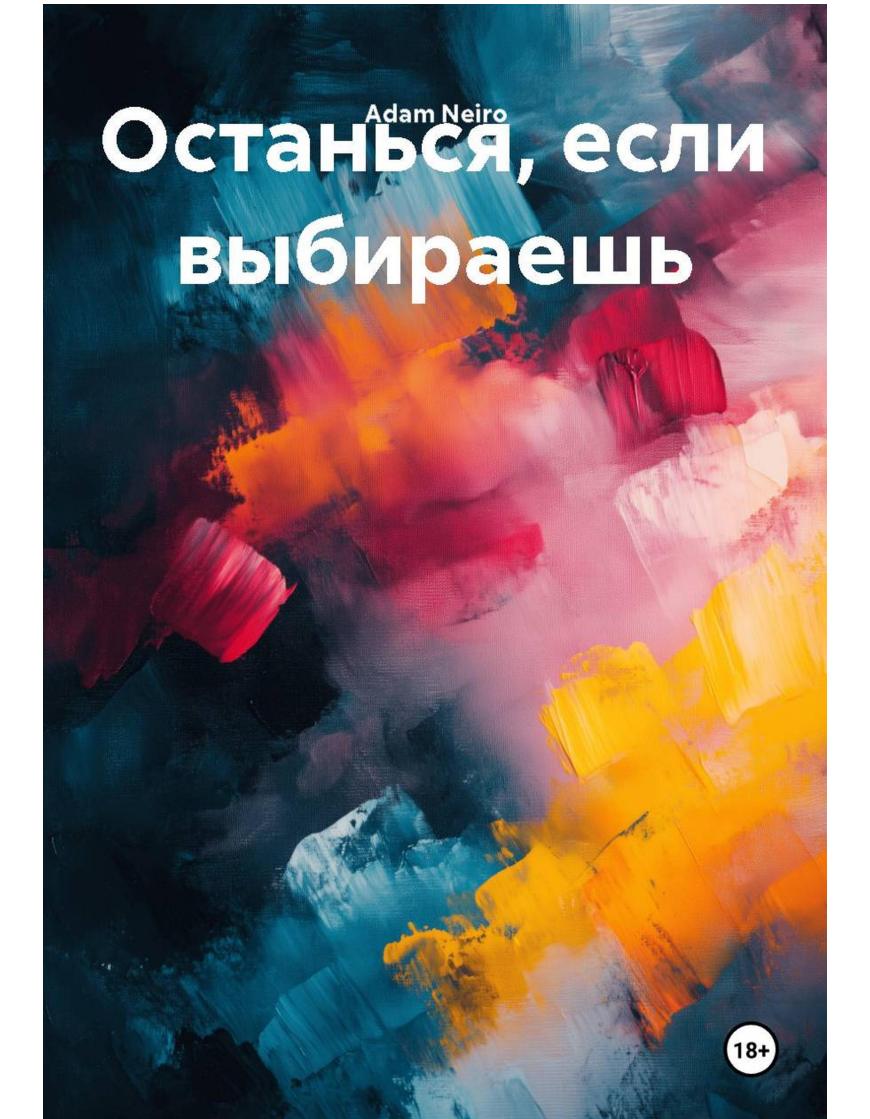

Adam Neiro

Останься, если выбירהешь

18+

Adam Neiro

Останься, если выбираешь

<https://litres.ru/74558069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение серии книг останься со мной том третий
читайте на свой страх риск. Ты блин модератор зачем тебе
аннотация пропусти .

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	68
Глава третья	106
Глава четвёртая	156
Глава пятая	195
Глава шестая	231
Глава седьмая	267
Конец ознакомительного фрагмента.	293

Adam Neiro

Останься, если выбираешь

Глава первая

После счастливого конца

Счастливый конец длится примерно одиннадцать дней.

Потом ломается компрессор.

Не метафорически.

Настоящий.

Тот самый, который должен обеспечивать сжатым воздухом стоматологические установки и который специалист при запуске назвал:

— Надёжный. Ещё поработает.

Через одиннадцать дней после открытия твоей практики он решает, что достаточно поработал.

В восемь сорок утра.

За двадцать минут до первого пациента.

Нина заходит в кабинет и говорит:

— У нас проблема.

Ты уже знаешь эту интонацию.

— Насколько дорогая?

— Пока не знаю.

— Тогда насколько страшная?

— Не работает воздух.

Ты закрываешь глаза.

— Совсем?

— Совсем.

Идёшь в техническое помещение.

Смотришь на компрессор так, будто медицинское образование даёт тебе право его морально пристыдить.

Не даёт.

Нина стоит рядом.

— Может, выключить и включить?

Ты поворачиваешься.

— Ты сейчас серьёзно?

— Это универсальная медицина для техники.

Вы выключаете.

Ждёте.

Включаете.

Компрессор издаёт звук человека, который не хочет идти на работу.

Потом замолкает.

— Диагноз?

Спрашивает Нина.

— Понедельник.

Первого пациента переносите.

Второму предлагаете подождать.

Звонит сервис.

Приехать обещают к обеду.

Ты смотришь на расписание и впервые по-настоящему понимаешь слова Ирины Викторовны:

другой вид несвободы.

Ты владелец.

Следовательно, если компрессор решил умереть, никто сверху не должен его воскресить.

Ни главный врач.

Ни управляющий.

Ни сеть.

Ты.

Точнее, специалист, которому заплатишь ты.

Нина стоит у стойки.

— Я могу написать пациентам.

— Пиши.

— Что?

— Правду.

— «У нас умер компрессор»?

— Не настолько правду.

В итоге сообщение звучит:

«По техническим причинам начало приёма сегодня может быть перенесено. Мы свяжемся с вами лично».

Очень взрослая формулировка.

Под ней находится аппарат, который, возможно, только что съел половину твоего недельного дохода.

Ты открываешь банковское приложение.

Смотришь на счёт.

Нормально.

Больно.

Но нормально.

Вот зачем был резерв.

Не для красивого ощущения финансовой зрелости.

Для понедельника в восемь сорок.

Марк узнаёт вечером.

Не утром.

Это важно.

Ты не звонишь ему в момент поломки.

Не из принципа.

Просто там нечего было решать Марку.

Сервис приехал.

Оказался не компрессор целиком.

Один узел.

Дорого.

Но не катастрофа.

К двум часам первый кабинет снова работает.

Пациентов частично переносите на вечер.

В семь двадцать ты сидишь на полу в комнате персонала.

Нина ушла десять минут назад.

На столе пустой стакан.

Телефон звонит.

Марк.

— Привет.

— Привет.

— Ты ещё там?

— Да.

— Почему голос такой?

— Я сегодня стала настоящим предпринимателем.

— Налоговая?

— Компрессор.

Он начинает смеяться.

Ты оскорблена.

— Очень смешно.

— Прости.

Не могу.

— Я потеряла три приёма.

— Уже не смеюсь.

Но слышно — смеётся.

— Приезжай и сам лечи.

— Я умею только строить клиники.

— Как удобно.

— Что случилось?

Ты рассказываешь.

Марк слушает.

Потом спрашивает:

— Уже решили?

— Да.

— Сколько?

Называешь.

Он свистит тихо.

— Поздравляю.

— С чем?

— С первым ремонтом, который оказался дороже, чем хотелось.

— Убирайся.

— Это посвящение.

Ты улыбаешься.

— Как ты?

Спрашивает он.

— Устала.

— Есть хочешь?

— Да.

— Могу приехать с едой.

Нормальный вопрос.

— Можешь.

— Заказать или привезти?

Ты думаешь.

— Привези.

— Что?

— Сам реши.

Марк молчит.

— Это ловушка?

— Нет.

— Точно?

— Марк.

— Уже выбираю.

Он приезжает через сорок минут.

С едой.

Без советов по компрессору.

Ты замечаешь.

— Даже не спросишь модель?

Он ставит пакет.

— Я борюсь.

— С чем?

— С желанием открыть технический паспорт и объяснить, почему тебе надо было купить другой.

Ты начинаешь смеяться.

— И как?

— Очень тяжело.

— Терпи.

— Любовь требует жертв.

Теперь эта фраза уже не пугает.

По крайней мере не всякий раз.

Практика существует два месяца.

Пока это всё ещё странное слово.

Твоя практика.

Не мечта.

Не вкладка.

Не сумма в таблице.

Помещение.

Два кабинета.

Один загружен почти полностью твоими пациентами и теми, кто приходит по рекомендациям.

Второй пока работает три дня в неделю.

Там принимает терапевт, которую ты переманила не из старой клиники, а нашла через профессиональную группу.

Ты специально не хотела строить новое место из людей, которые просто ушли за тобой из старого.

Не потому что нельзя.

Потому что хотелось понять, можешь ли создать систему, а не маленькую копию прежней работы.

Получается не всегда.

Администратор дважды перепутала время пациентов.

Новая ассистентка оказалась прекрасной с людьми и ужасной с учётом материалов.

Однажды ты обнаружила, что композит одного оттенка закончился три дня назад, а никто не заказал.

— Почему?

Спрашиваешь.

Ассистентка говорит:

— Я думала, Нина закажет.

Нина:

— Почему я?

— Вы главная.

Нина поворачивается к тебе.

— Видишь?

Я даже без официальной должности.

Приходится вводить систему учёта.

Список.

Минимальные остатки.

Ответственного.

Так начинаешь понимать Марка.

Не в плохом смысле.

Пока.

Когда несколько людей смотрят на тебя и говорят:

«Я думал, это сделает кто-то другой»,

очень быстро хочется стать человеком, который решает
всё сам.

Это соблазнительно.

Эффективно.

И абсолютно не масштабируется.

Однажды вечером Марк спрашивает:

— Почему ты сама заказываешь материалы?

— Потому что иначе никто.

— Это неправда.

— Пока правда.

— Тогда назначь человека.

— Я уже.

— И?

— Проверяю за ним.

Марк улыбается.

— Добро пожаловать.

— Куда?

— В мою худшую привычку.

Ты замолкаешь.

Он продолжает:

— Сначала думаешь, что проще проверить.

Потом — что проще сделать.

Потом обнаруживаешь, что вокруг тебя люди, которым не дают стать самостоятельными, потому что ты быстрее.

Неприятно.

— Ненавижу, когда ты полезный.

— Взаимно.

На следующий день не проверяешь заказ за Ниной.

Очень хочется.

Не проверяешь.

Через два дня выясняется, что она забыла одну позицию.

Первый импульс:

я знала.

Второй:

надо было самой.

Третий появляется позже:

пусть исправит.

Нина исправляет.

Никто не умер.

Пожалуй, это и есть управление.

Не отсутствие чужих ошибок.

Способность позволять им существовать там, где цена не катастрофическая.

Мира приносит в клинику подарок на третьем месяце.

Пакет тяжёлый.

— Если там снова картина, я тебя убью.

— Хуже.

Она ставит на стол четыре книги.

Ты смотришь.

Потом на неё.

— Зачем?

— Для интеллектуального развития.

Сверху лежат:

«Пятьдесят оттенков серого».

«История О».

«Любовник леди Чаттерлей».

И сборник Анаис Нин.

Ты молчишь.

Мира гордится.

— Я решила, что владелице медицинского бизнеса нужна профессиональная литература.

— По какой профессии?

— По человеческой глупости.

Ты берёшь первую.

— Ты реально принесла это мне в стоматологию?

— Не ставь в ожидании.

— Почему? Можно рядом с буклетом о профилактике кариеса.

Мира смеётся.

Ты листаешь.

— Я читала «Пятьдесят оттенков» кусками.

— И?

Ты думаешь.

— Мне всегда казалось, что главный эротический фетиш там не то, о чём все говорят.

— А какой?

— Мужчина, у которого есть вертолёт, квартира и достаточно свободного времени, чтобы бесконечно анализировать отношения.

Мира начинает смеяться.

— Всё остальное можно пережить.

Ты кладёшь книгу.

— Хотя часть про богатого мужчину, уверенного, что его интенсивность автоматически интересна молодой женщине, теперь воспринимается слишком лично.

— Марку подарить?

— Хочешь, чтобы я осталась одна?

— Он выдержит.

— Не уверена.

Берёшь **«Историю О»**.

— А это уже из серии «что если символизм власти убрать и оставить только необходимость нормально разговаривать

о границах».

Мира:

— Ты убиваешь эротику.

— Нет.

Я врач.

Я задаю уточняющие вопросы.

— Очень сексуально.

— «Вы понимаете риски?»

Мира едва не роняет чашку.

— Перестань.

Ты улыбаешься.

Берёшь **«Любовника леди Чаттерлей»**.

— А здесь мне нравится историческая эффективность.

— В смысле?

— Люди ещё не изобрели мессенджер, поэтому для измены надо реально выходить из дома.

Мира смеётся.

— Сейчас половина сюжета закончилась бы сообщением в два ночи.

— Или статусом «был недавно».

— Ужас.

Последняя книга.

Анаис Нин.

Ты листаешь медленнее.

— А это уже честнее.

— Почему?

— Потому что желание там не всегда пытаются сделать нравственным.

— Оно просто существует.

Мира смотрит внимательнее.

— Как твои фантазии про Даниила?

Ты захлопываешь книгу.

— Очень быстро закончился литературный клуб.

Она хохочет.

— Значит, попала.

— Мира.

— Что?

Ты смотришь.

— Иногда.

— До сих пор?

— Реже.

— Марк знает?

— Что я могу фантазировать — да.

— Конкретно?

— Знает достаточно.

— И?

Ты улыбаешься.

— Не умер.

— Сильный мужчина.

— Не всегда добровольно.

Мира садится на стол.

— А у вас вообще сейчас как?

Вопрос сложнее, чем кажется.

Потому что после второго начала нет прежней драматической скорости.

Вы не переехали друг к другу.

Не получили общий ключ.

Не устроили красивое возвращение с обещаниями.

Марк остаётся у тебя.

Ты у него.

Иногда три ночи подряд.

Иногда неделю каждый в своём доме.

У него всё ещё есть твоя зубная щётка.

У тебя две его рубашки.

Не одна.

Вторая появилась естественно.

Без переговоров.

Ты заметила только через неделю.

— Нормально.

Говоришь.

Мира морщится.

— Фу.

— Что?

— У вас был роман на грани корпоративной войны, скрытая охрана, бывшие, журналисты, психологические кризисы, а теперь «нормально»?

— Да.

— Возмутительно.

— Мне нравится.

И правда нравится.

Мира берёт «Пятьдесят оттенков».

— Вот поэтому книги заканчивают раньше.

— Где?

— До того, как он спрашивает, купила ли ты туалетную бумагу.

Ты смеёшься.

— Настоящая эротика — человек, который сам замечает, что закончился порошок.

— Не продаётся.

— Потому что слишком возбуждающе для массового читателя.

Мира смеётся так, что Нина заглядывает.

— Что происходит?

Мира показывает книги.

Нина читает названия.

Смотрит на тебя.

— Это теперь обучение врачей?

— Убирайся.

Нина берёт «Пятьдесят оттенков».

— Я это читала.

Ты удивляешься.

— И?

Она пожимает плечами.

— У меня было трое детей и муж, который никогда не

складывал носки в корзину. После этого любой мужчина, который хотя бы способен запомнить календарь женщины, кажется фантастикой.

Мира садится от смеха.

Ты закрываешь лицо руками.

— Всё. Никакого книжного клуба на работе.

Поздно.

Через двадцать минут новая ассистентка спрашивает, можно ли взять одну домой.

Так в твоей стоматологии появляется неофициальная библиотека.

Книги ты всё-таки не ставишь в зоне ожидания.

Пока.

Марк обнаруживает их вечером.

Приезжает за тобой.

Ты заканчиваешь документы.

Он ходит по комнате персонала, пока ждёт.

Потом видит стопку.

Берёт верхнюю.

Смотрит на обложку.

На тебя.

Снова на книгу.

— Я даже боюсь спрашивать.

— Мира.

— Конечно.

Он листает.

— Ты читаешь?

— Проводим научное исследование.

— Результаты?

Ты встаёшь.

— У богатых контролирующих мужчин очень сильный отдел маркетинга.

Марк медленно закрывает книгу.

— Я уйду.

Ты смеёшься.

— Садись.

— Нет, мне уже всё понятно.

— Ещё есть «История О».

— Тем более.

— Леди Чаттерлей.

— Я понял направление.

Ты подходишь.

— Боишься конкуренции?

— С вымышленными мужчинами?

— Да.

Марк думает.

— Зависит от вымышленного мужчины.

— Хороший ответ.

Он ставит книгу обратно.

— А что ты сказала про эту?

Указывает на «Пятьдесят оттенков».

— Не скажу.

— Мира скажет.

— Предательница.

— Я заплачу.

Ты поднимаешь бровь.

— Вот поэтому и не расскажу.

Марк улыбается.

Потом неожиданно:

— Тебя правда возбуждают такие истории?

Вопрос серьёзный.

Ты тоже перестаёшь шутить.

— Некоторые сцены — да.

— Даже если в жизни ты бы не согласилась?

— Особенно иногда поэтому.

Он хмурится.

— Объясни.

Вы садитесь.

— Фантазия безопасна тем, что заканчивается там, где я хочу.

Марк слушает.

— В ней можно хотеть вещи, которые в реальности оказались бы неприятными, опасными или просто глупыми.

— Например контроль.

Ты улыбаешься.

— Например.

Ему не нравится.

Очень видно.

— Это иронично.

— Что именно?

— Ты борешься со мной за каждое решение и фантазируешь о том, что кто-то решает.

Ты не обижаешься.

Потому что это правда.

— Да.

— Почему?

Ты думаешь.

— Потому что в фантазии контроль добровольный.

— Я в любой момент могу открыть глаза.

Марк молчит.

— То есть тебе нравится отдавать власть, если знаешь, что она остаётся у тебя.

— Примерно.

Он усмехается.

— Очень ты.

— Именно.

Марк проводит пальцем по краю книги.

— А я там?

Вопрос почти мальчишеский.

Ты смеёшься.

— Иногда.

— Иногда?

— Не начинай.

— Кто ещё?

Вот уже ревность.

Ты видишь.

— Марк.

— Я спросил.

— И я могу не отвечать.

Он выдыхает.

— Да.

— Но мне всё равно хочется знать.

— Знаю.

Ты думаешь.

Можно не говорить.

Можно сказать.

Сегодня хочется немного рискнуть.

— Иногда незнакомые мужчины.

— Это я переживу.

— Иногда Даниил.

Лицо меняется.

Не катастрофически.

Но меняется.

Ты ждёшь.

Марк смотрит на стол.

— До сих пор.

— Иногда.

— После того как мы снова вместе.

— Да.

Тишина.

— И это ничего для тебя не значит?

— Значит.

Он поднимает глаза.

— Что?

— Что он физически мне нравится.

— Прекрасно.

— Ты спросил.

— Знаю.

Ты не защищаешься.

— Но я не хочу быть с ним.

— Это мы уже проходили.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Марк почти улыбается.

— Потому что человек может быть умным и всё равно ревновать.

— Принимается.

Он молчит.

Потом:

— Он знает?

— Что я иногда фантазирую о нём? Нет.

— Хорошо.

Ты сразу:

— Не потому что тебе разрешено решать, что ему знать.

— Знаю.

— Просто хорошо.

Ты улыбаешься.

— Можешь ревновать.

— Спасибо.

— Ничего с этим не делая.

— Вот где была ловушка.

Ты смеёшься.

Марк тоже.

Через несколько минут он снова берёт книгу.

— А эта знаменитая сцена...

Ты сразу:

— Не надо.

— Я хотел спросить...

— Нет.

— Очень авторитарно.

— Да.

Ты забираешь книгу.

— Пойдём домой.

— К кому?

Хороший вопрос.

Ты думаешь.

— Ко мне.

— Почему?

— Потому что там твои рубашки.

Марк улыбается.

— Это предложение переехать?

— Нет.

— Когда-нибудь я перестану спрашивать.

— Не надо.

Ты удивляешься собственному ответу.

— Почему?

— Потому что мне нравится, что теперь ты спрашиваешь.

Марк смотрит.

Ничего не говорит.

И иногда молчание — лучший ответ.

Через месяц практика впервые выходит в небольшой плюс.

Не бухгалтерский праздник.

После кредита, лизинга, аренды, зарплат и расходов остаётся сумма, которой недостаточно даже для хорошего отпуска.

Но она положительная.

Ты фотографируешь таблицу.

Первой отправляешь Нине.

«Мы официально не банкроты».

Она:

«Пока».

Ты:

«Спасибо за поддержку».

Потом Марку.

Он отвечает:

«Поздравляю».

И всё.

Ты ждёшь.

Ничего.

Пишешь:

«Ты заболел?»

«Почему?»

«Ни одного совета».

Ответ:

«У меня есть четыре».

Ты начинаешь смеяться.

«Не надо».

«Поэтому молчу».

Изменение иногда выглядит как ненаписанные четыре совета.

Проблема с Даниилом начинается не сразу.

И точно не так, как ты ожидала.

Не поцелуй.

Не признание.

Не ревность Марка.

Работа.

Во втором кабинете освобождается два хирургических окна в неделю.

Терапевт не занимается хирургией.

Пациентов на удаления и имплантологические консультации приходится отправлять наружу.

Ты теряешь не только деньги.

Теряешь непрерывность лечения.

Нина говорит:

— Рогов.

Ты сразу:

— Нет.

— Почему?

— Потому.

— Очень управленчески.

— Есть другие хирурги.

— Хорошие?

— Найдём.

Нина смотрит.

— Ты отказываешься от хорошего врача из-за личного?

Попала.

Неприятно.

— Я не отказываюсь.

— А что?

— Думаю.

— Уже три недели.

Ты злишься.

Потому что права.

Даниил действительно хороший хирург.

Работал с тобой.

Знает подход.

Умеет разговаривать с пациентами лучше, чем раньше.

Прошёл терапию.

Исправляет ошибки.

И главное — сам больше не просился после того разговора.

Ты сама должна решить.

Не как женщина.

Как руководитель.

Звонишь.

— Привет.

— Привет.

— Можешь говорить?

— Да.

— У меня есть два хирургических окна.

Тишина.

— Это предложение?

— Пока разговор.

— Хорошо.

Ты объясняешь.

Два дня.

Процент.

Материалы.

Ответственность.

Без доли.

Без партнёрства.

Даниил слушает профессионально.

— Можно подумать?

— Конечно.

— Сколько?

— До конца недели.

— Хорошо.

Потом:

— А Марк знает?

Ты сразу холоднее.

— Какое отношение это имеет?

— Никакого.

— Тогда зачем?

Даниил выдыхает.

— Привычка.

— Плохая.

— Согласен.

— Я подумаю.

Через два дня соглашается.

С условиями.

Одно из них:

— Я не хочу, чтобы наши личные истории влияли на расписание.

— Я тоже.

— Если мы спорим вне работы...

— Мы не должны спорить вне работы.

Он улыбается.

— Отличный план.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Подписываете договор.

Даниил становится врачом твоей практики два дня в неделю.

Не партнёром.

Не сооснователем.

Не человеком, который «помог построить».

Сотрудником.

Ты специально проговариваешь:

— Клинические решения в рамках твоей компетенции — твои. Организационные решения — мои.

Он улыбается.

— Мне нравится, как ты наслаждаешься властью.

Ты смотришь.

— Уже хочешь отказаться?

— Нет.

— Тогда привыкни.

Первые недели всё хорошо.

Слишком хорошо.

Пациенты довольны.

Хирургическая загрузка растёт.

Даниил умеет работать быстро.

Нина рада.

Финансы лучше.

Ты несколько раз думаешь:

зря боялась.

Потом начинает появляться мелочь.

Он меняет ассистенту порядок подготовки набора без разговора с тобой.

Не критично.

Потом сам предлагает пациенту скидку, потому что тот пришёл «по его рекомендации».

Ты узнаёшь после.

Разговариваете.

— У нас единые правила скидок.

— Я знаю.

— Тогда почему?

— Ситуация была специфическая.

— Тогда спроси.

— У тебя был пациент.

— Напиши.

Он кивает.

— Хорошо.

Следующая неделя.

Администратор говорит:

— Даниил попросил все хирургические первички ставить сначала ему.

Ты поднимаешь глаза.

— Все?

— Да.

— Почему?

— Сказал, так логичнее.

Зовёшь его.

— Ты просил первички ставить тебе?

— Хирургические.

— Почему?

— Потому что я хирург.

— Если пациент записан на консультацию по имплантации — да.

Если человек приходит с болью и ещё неизвестно, что нужно, он сначала идёт к свободному врачу.

— Это неэффективно.

— Возможно.

— Тогда зачем?

Ты смотришь.

— Потому что мы договорились о системе.

Даниил вздыхает.

— Ты сейчас защищаешь систему, которая хуже работает, просто потому что она твоя.

Неприятно.

Возможно, правда.

— Может быть.

— Тогда?

— Тогда предложи изменить её.

Не меняй сам.

Он замолкает.

— Хорошо.

— Я всё ещё забываю, что здесь ты начальник.

Шутка.

Но что-то в ней цепляет.

— Не забывай.

Отвечаешь.

Он смотрит.

— Принято.

Конфликт заканчивается.

Пока.

Марк узнаёт о Данииле не сразу.

Не потому что скрываешь.

Просто не было отдельного объявления.

За ужином спрашивает:

— Второй кабинет уже пять дней в неделю?

— Почти.

— Кто хирург?

Ты отвечаешь:

— Даниил.

Вилка Марка останавливается.

Тишина.

Ты ждёшь.

Он кладёт приборы.

— Серьёзно?

— Да.

— Ты наняла Даниила.

— Да.

— К себе.

— В клинику, Марк.

— Я понял.

— Когда?

— Три недели назад.

Вот теперь лицо меняется сильнее.

— И ты не сказала.

— Я не думала, что должна отдельно сообщать.

— Не должна.

Ответ слишком быстрый.

Он встаёт за водой.

Ты сразу:

— Но?

Марк возвращается.

— Но мне неприятно узнать случайно.

— Почему?

— Потому что мы уже говорили о нём.

— О моих фантазиях.

— И о его чувствах.

— Он работает два дня.

— Я слышал.

— Ты не доверяешь мне?

Марк смотрит.

— Тебе доверяю.

— Ему?

— Нет.

— Это его проблема.

— Если он работает у тебя, может стать твоей.

Ты чувствуешь раздражение.

— Он врач.

Хороший.

Мне нужен хирург.

— В городе один хирург?

— Нет.

— Тогда...

Он останавливается сам.

Правильно.

— Извини.

Ты ждёшь.

— Я собирался сказать, что можно было найти другого.

— Да.

— Это было бы решением за тебя.

— Да.

Марк выдыхает.

— Мне не нравится.

— Можешь.

— Очень.

— Тоже можешь.

— И мне хочется попросить, чтобы ты его не брала.

— Уже взяла.

— Знаю.

Вы смотрите друг на друга.

Раньше это превратилось бы в огромную ссору.

Сегодня Марк спрашивает:

— Есть профессиональная причина его не брать?

— Пока нет.

— Тогда хорошо.

Ты удивляешься.

— Настоящее?

— Нет.

Ты смеёшься.

— Но я не буду вмешиваться.

Вот важнее.

— Спасибо.

— Только если он снова перейдёт личную границу...

— Я решу.

Марк молчит.

Ты добавляешь мягче:

— И если мне понадобится помощь — скажу.

Это компромисс не власти.

Доверия.

Марк кивает.

— Хорошо.

Через месяц ты понимаешь, что профессиональная причина всё-таки появляется.

Не одна большая.

Пять маленьких.

Даниил второй раз делает скидку без согласования.

Один раз переносит своего пациента вперёд очереди, потому что «случай срочнее».

Срочнее действительно.

Но администратор узнаёт уже после.

Потом делает замечание новой ассистентке при пациенте.

Не грубое.

Но достаточно, чтобы девушка потом плакала в стерилизационной.

Ты вызываешь его.

— Мы это уже проходили.

Даниил раздражён.

— Я сказал ей, что она неправильно подала инструмент.

— При пациенте.

— Пациент даже не понял.

— Она поняла.

— И что?

Ты смотришь.

Старое.

Не исчезло.

— «И что» — проблема.

Он выдыхает.

— Я потом извинился.

— Хорошо.

— Тогда?

— Тогда почему это повторяется?

Даниил молчит.

— Потому что под стрессом ты всё ещё делаешь это первым.

— А ты теперь мой терапевт?

— Нет.

— Я твой руководитель.

Ему явно не нравится слово.

Не потому что считает тебя неспособной.

Хуже.

Потому что какая-то часть Даниила всё ещё помнит время, когда он был опытнее.

Когда показывал тебе, как удобнее держать инструмент.

Когда первым подходил к сложному снимку.

Когда мог сказать:

— Дай посмотрю.

И ты давала.

Теперь кабинет твой.

Расписание твоё.

Правила тоже.

Он откидывается на спинку стула.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Ты мой руководитель.

— Я не прошу повторять как наказание.

— А звучит именно так.

Ты молчишь.

Опасное место.

Если продолжишь с тем же тоном, разговор станет не о пациенте и ассистентке.

О власти.

И тогда проиграете оба.

— Давай заново.

Говоришь.

Даниил смотрит.

— Давай.

— Ты хороший хирург.

— Спасибо.

— Но когда нервничаешь или считаешь, что человек работает хуже тебя, становишься резким.

Он хочет возразить.

Ты поднимаешь ладонь.

— Подожди.

— Я видела это раньше.

Ты сам это видел.

Ты ходишь с этим к терапевту.

Я не ставлю диагноз.

Я говорю о поведении в моей клинике.

Слово **моей** ему тоже не нравится.

Но спорить не может.

— Хорошо.

— И я не хочу, чтобы ассистенты здесь боялись ошибиться рядом с врачом.

— Они должны бояться ошибок.

— Нет.

Ты отвечаешь сразу.

— Они должны понимать цену ошибок.

Это не одно и то же.

Страх делает людей скрытнее.

Он молчит.

Ты продолжаешь:

— Если она подала неправильный инструмент, разбери после.

Если ошибка создаёт риск пациенту — останови процедуру сразу.

Но не унижай человека, чтобы доказать серьёзность.

— Я её не унижал.

— Она плакала.

— Люди плачут по разным причинам.

Вот опять.

Ты смотришь.

Даниил тоже слышит себя.

Закрывает глаза на секунду.

— Да.

— Что «да»?

— Сейчас было дерьмово.

— Было.

Он проводит ладонью по лицу.

— Я не хочу становиться тем врачом, рядом с которым

все дрожат.

— Тогда не становись.

— Очень просто.

— Нет.

— Но сложно не значит невозможно.

Он кивает.

Вы сидите молча несколько секунд.

Потом Даниил спрашивает:

— Ты хочешь меня уволить?

Ты удивляешься.

— Пока нет.

— Пока?

— Я не буду обещать вечный контракт.

— Я не об этом.

— Тогда о чём?

Он смотрит прямо.

— Ты сейчас оцениваешь меня как сотрудника.

— Да.

— Не как человека, которого когда-то хотела.

— Да.

— Это странно.

— Мне тоже.

Он усмехается.

— Честно?

— Да.

— Иногда я забываю, что эта клиника не наша.

Тишина становится другой.

Ты не отвечаешь сразу.

— Что значит «наша»?

Даниил понимает, что сказал.

— Не юридически.

— Я поняла.

— В смысле...

Он ищет.

— Я знал, как ты хотела свою практику.

Мы много об этом говорили.

Я помогал тебе ещё тогда, когда Марк был просто мужчиной, который раздражал тебя на стройке.

— И?

— И какая-то часть меня воспринимает это место как продолжение той истории.

Ты чувствуешь холод.

Не потому что он претендует на долю.

Потому что вдруг становится ясно, откуда берутся маленькие нарушения.

Скидка без согласования.

Изменённые правила первичных консультаций.

Тон с сотрудниками.

Он не ощущает себя обычным приглашённым врачом.

Где-то внутри считает себя человеком, который **имеет особое право**.

Не из договора.

Из истории.

— Даниил.

— Я знаю.

— Нет.

Ты говоришь мягко.

— Кажется, не знаешь.

Он смотрит.

— Ты не помог строить эту клинику.

Фраза жестокая.

Но нужная.

— Я не говорю, что...

— Ты помогал мне как коллега.

Поддерживал.

Советовал.

Когда-то учил.

Я это помню.

— Но стены, кредит, договор, ремонт, риски, найм, налоги — не твои.

Он отводит взгляд.

— Я понимаю.

— Тогда не веди себя так, будто у тебя здесь особый статус.

Даниил долго молчит.

Потом:

— Хорошо.

На этот раз без раздражения.

— Я понял.

Ты не уверена.

Но пока достаточно.

— И с ассистенткой поговори.

— Поговорю.

— Нормально.

Он почти улыбается.

— Без «если ты почувствовала».

— Я помню.

У двери останавливается.

— Можно тоже сказать неприятную вещь?

— Конечно.

— Иногда ты специально становишься жёстче со мной,
чем с другими.

Ты замираешь.

— Почему?

— Потому что боишься, что если будешь мягкой, это будет
выглядеть как личное.

Ты уже хочешь отрицать.

Останавливаешься.

Возможно.

— Я подумаю.

— Вот и всё.

Он уходит.

А ты остаёшься одна и ненавидишь, что он, вероятно,
прав хотя бы частично.

Руководство оказывается хуже клинического решения ещё и потому, что люди могут отвечать.

Пациент редко скажет:

доктор, вы сейчас компенсируете собственную тревогу властью.

Сотрудник иногда скажет.

И придётся слушать.

Вечером ты находишь на столе «Историю О».

Мира оставила книги после своего визита, и библиотека почему-то постепенно мигрирует из комнаты персонала в твой кабинет.

Берёшь роман.

Смотришь на обложку.

После сегодняшнего разговора всё это кажется особенно смешным.

В литературе власть красиво освещена.

Там почти никогда не надо составлять график отпусков.

Никто не спрашивает, кто оплатит переработку ассистента.

Не нужно писать внутренний регламент скидок.

Доминирование вообще выглядит намного романтичнее, пока не появляется Excel.

Ты фотографируешь книгу.

Отправляешь Марку:

«Выяснила главный недостаток эротической лите-

ратуры».

Ответ:

«Боюсь».

«Слишком мало кадрового администрирования».

«Наконец серьёзная критика жанра».

Ты улыбаешься.

«Представляешь: герой говорит “ты будешь делать, что я скажу”, а героиня отвечает “сначала согласуй КРІ и положение о премировании”».

Марк:

«Ты уничтожила мне вечер».

«Обращайся».

Через минуту:

«У тебя что-то случилось?»

Он научился слышать шутку как возможный вход.

Не лезет.

Спрашивает.

Ты долго смотришь на экран.

Потом:

«Проблемы с Даниилом как сотрудником».

Ответ приходит не сразу.

Хорошо.

Наверное, в этот момент Марк успевает написать пять неправильных вариантов и удалить.

Наконец:

«Хочешь рассказать или просто сообщаем?»

Ты улыбаешься.

«Рассказать».

Он звонит.

— Что случилось?

Ты пересказываешь.

Не про каждое слово.

Главное.

Скидки.

Расписание.

Ассистентку.

Фразу Даниила про «нашу» клинику.

Марк молчит подозрительно долго.

— Говори.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Потому что тебе не понравится.

— Всё равно.

— Я хочу сказать: я же говорил.

Ты начинаешь смеяться.

— Всё?

— Нет.

— Давай.

— И хочу сказать, что он не умеет быть рядом с тобой без

попытки занять особое место.

Раздражение приходит мгновенно.

— Это уже не про работу.

— Я знаю.

— Тогда не смешивай.

— Ты сама рассказала про «нашу» клинику.

— Да.

— Это не рабочая формулировка.

Ты молчишь.

Тоже правда.

Марк продолжает:

— Но решать тебе.

— Вот эту часть можно было сказать первой.

— Я развиваюсь нелинейно.

Ты улыбаешься.

— Что ты будешь делать?

— Пока ничего.

— Совсем?

— Я поставила границу.

Он должен исправить.

Если повторится — буду решать.

— Увольнять?

— Возможно.

Марк молчит.

Ты уже ждёшь удовлетворения.

Не приходит.

— Жаль.

Говорит он.

Ты удивляешься.

— Что?

— Жаль, если дойдёт до этого.

— Почему?

— Потому что ты наняла его как хорошего врача.

И если придётся уволить из-за поведения, клиника потеряет специалиста.

Профессиональный ответ.

Ты даже немного растрогана.

— Кто ты и что сделал с Марком?

— Очень смешно.

— Настоящее.

— Я пытаюсь не превращать каждую его ошибку в личную победу.

— Мне трудно.

— Верю.

— Но я стараюсь.

Ты улыбаешься.

— Спасибо.

— А теперь можно личное?

— Одно.

— Мне всё равно приятно, что он сказал «наша», а ты исправила.

Ты закрываешь глаза.

— Один закончился.

— Согласен.

Через неделю всё почти нормально.

Даниил действительно извиняется перед ассистенткой.

Не формально.

Потом просит у администратора не менять расписание без твоего согласования.

На следующей хирургической встрече специально спрашивает ассистента:

— Как тебе удобнее организовать набор?

Ты замечаешь усилие.

Это важно.

Не превращаешь первое улучшение в индульгенцию.

Но учитываешь.

В пятницу после смены он заходит.

— Можно?

— Да.

— Я подумал про «нашу».

Ты откладываешь документы.

— И?

— Ты была права.

— Зафиксировать?

— Не наглей.

Он садится.

— Я действительно иногда ощущаю, что имею здесь больше прав, чем есть.

— Почему?

— Наверное, потому что был рядом, когда это ещё было

твоей идеей.

— И потому что когда-то представлял, что если ты откроешь клинику, я тоже там буду.

Неожиданно честно.

— В каком качестве?

Даниил улыбается криво.

— В разном.

Понятно.

— Но этого будущего не случилось.

— Да.

— Теперь случилось другое.

— Да.

Он смотрит на кабинет.

— И мне надо перестать жить так, будто я опоздал в собственную жизнь.

Фраза хорошая.

Очень.

— Терапевт?

— Моя.

— Впечатлена.

— Сам.

— Я хочу остаться работать.

Говорит он.

— Но если не смогу нормально быть просто врачом здесь, уйду сам.

Ты киваешь.

— Хорошо.

— Только не радуйся.

— Не буду.

— И не жалею.

— Тоже.

Он встаёт.

— Мы взрослые?

— Иногда.

— Отвратительно.

Уходит.

Ты смотришь ему вслед.

Нравится.

До сих пор.

Красивый.

Умный.

Знакомый.

Когда он признаёт сложную вещь без самозащиты, особенно.

И всё равно уже совершенно ясно:

ты не хочешь с ним быть.

Это знание наконец перестаёт нуждаться в Марке как в сравнении.

Просто нет.

Очень освобождающе.

Книжный клуб, которого ты не создавала, тем временем

становится настоящим.

Нина приносит «Эммануэль».

Не объясняет, откуда.

Ты смотришь на неё.

— Серьёзно?

— Классика.

— Я начинаю бояться твоей библиотеки.

— Поздно.

Мира приходит через два дня и обнаруживает книгу.

— О.

— Не начинай.

— Кто принёс?

Нина из стерилизационной:

— Я!

Мира:

— Уважаю.

Ты закрываешь дверь.

— Почему моя практика превратилась в подпольный клуб эротической литературы?

Нина:

— Пациентам не показываем.

— Пока.

Мира берёт книгу.

— А ты читала?

— Нет.

— Надо.

— Мне есть чем заняться.

— Именно поэтому.

Ты сдаёшься.

Читаешь вечером несколько страниц.

Потом пишешь Мире:

«Основной сюжет эротических романов — люди с удивительным количеством свободного времени».

Она:

«Ты опять всё портишь».

«У них никто не переносит пациента на 9:30».

«Фантазия именно в этом».

Ты смеёшься.

И вдруг понимаешь, что она права.

Эротическая фантазия не обязана быть инструкцией.

Не обязана выдерживать бытовую проверку.

«История О» не должна объяснять, как герои делят коммунальные платежи.

«Эммануэль» не обязана быть моделью семейной терапии.

«Пятьдесят оттенков серого» не руководство по отношениям с человеком, у которого проблемы с контролем.

«Любовник леди Чаттерлей» не пособие по разрешению кризиса брака.

Именно поэтому смешно, когда люди одновременно требуют от эротической литературы полной реалистичности и используют её как доказательство того, чего женщины «на

самом деле хотят».

Фантазия — не голосование.

Можно читать про опасного мужчину.

И закрывать дверь перед опасным мужчиной в реальности.

Можно возбуждаться от идеи контроля.

И ненавидеть контроль в собственной жизни.

Можно представить двух мужчин.

И выбрать одного.

Или никого.

У тебя самой ушли месяцы, чтобы перестать считать эти противоречия дефектом.

Возможно, они вообще не противоречия.

Желание говорит на другом языке.

Марк приходит вечером после совета директоров.

Ты сразу видишь: что-то не так.

Не катастрофа.

Но устал сильнее обычного.

— Ева?

Спрашиваешь.

Он кивает.

Сегодня её последний официальный день.

Ты вспоминаешь.

— Как прошло?

— Она ушла.

— Я понимаю.

— Нет.

Марк снимает пальто.

— Я понимаю слова.

Но мозг пока нет.

Ты обнимаешь.

Он принимает.

Ева семь лет была частью его ежедневной системы.

Дольше многих отношений.

Дольше большей части взрослой жизни Марка.

— Прощальный ужин был?

Спрашиваешь.

— На двенадцать человек.

— Она разрешила?

— После переговоров.

— Что потребовала?

— Никаких речей дольше трёх минут.

Ты улыбаешься.

— И?

— Моя была две сорок.

— Горжусь.

Он молчит.

— Она сказала что-то?

— Да.

— Хочешь рассказать?

Марк думает.

— Частично.

Вот новая привычка.

Не вываливать чужой разговор только потому, что он эмоционально важен.

— Сказала, что много лет думала: если будет достаточно полезной, достаточно лояльной, достаточно незаменимой, однажды я пойму, что она и есть правильный человек.

Ты ничего не говоришь.

— Потом сказала, что это была её ошибка.

Не моя.

— Но я пользовался тем, что она всегда была рядом, не задавая слишком много вопросов о цене для неё.

Это уже про Марка.

Можно обсуждать.

— Согласен?

— Да.

Он садится.

— Мне удобно, когда люди становятся незаменимыми.

Ты улыбаешься.

— Очень здоровая корпоративная культура.

— Теперь знаю.

— Что будешь делать?

— Уже сделал.

— Что?

— Разделил её функции между двумя людьми.

Один внутренний.

Другую часть отдал новому финансовому директору.

— Не нанял ещё одну Еву?

— Именно.

Ты смотришь.

— Больно?

— Очень.

— Почему?

— Потому что сейчас я обнаруживаю вещи, которые она делала и о которых я даже не знал.

— Это плохая система.

— Да.

— И я её создал.

Вот бизнес-арка.

Та же проблема.

Компания зависела от Марка.

Марк зависел от Евы.

Все были незаменимы.

Звучало как преданность.

Работало как хрупкость.

— Она куда ушла?

— В другой холдинг.

— Выше должность?

— Да.

— Рад за неё?

Марк молчит.

— Процентом на семьдесят.

Ты смеёшься.

— Популярная цифра.

— Остальные тридцать хотят предложить ей втрое больше и вернуть.

— Не делай.

— Знаю.

— Не потому что нельзя предложить деньги.

— А потому что если её причина не деньги, деньги будут попыткой отменить её выбор.

Ты улыбаешься.

— Отлично.

— Я обучаемый.

— Иногда.

Марк смотрит.

— Она ещё сказала одну вещь.

Ты ждёшь.

— Что любовь — не повышение за выслугу лет.

Ты замираешь.

Фраза.

Очень Ева.

— Хорошая.

— Да.

— Больно?

— Немного.

Ты не спрашиваешь, говорила ли она о себе и нём подробнее.

Не нужно.

Этого достаточно.

Первый серьёзный кризис твоей практики случается на пятом месяце.

Не медицинский.

Кадровый.

Утром администратор просит поговорить.

Она работает у тебя с открытия.

Хорошая.

Не идеальная.

Но надёжная.

Садится и сразу начинает плакать.

— Что случилось?

— Я хочу уйти.

Ты замираешь.

— Почему?

— Мне предложили больше.

Первая реакция неприятная.

После всего?

Ты сама пугаешься мысли.

После чего?

После зарплаты, которую платила за работу?

После того, что наняла?

Она ничего не должна кроме того, что в договоре.

— Насколько больше?

Она называет.

Много.

Ты не можешь легко повторить.

— Где?

Называет сеть.

Крупная.

Стабильная.

— Почему плачешь?

— Потому что мне здесь нравится.

— Тогда не уходи.

Фраза вылетает слишком быстро.

Ты сразу слышишь.

Марк бы сказал похожее.

Она тоже слышит давление.

— Но деньги...

— Прости.

Ты исправляешься.

— Давай не буду выбирать за тебя.

Она смеётся сквозь слёзы.

— Хорошо.

Разбираете.

График.

Деньги.

Дорога.

Обязанности.

Там зарплата выше, но смен больше.

Здесь она участвует в построении системы.

Там карьерный рост понятнее.

— Я могу поднять тебе зарплату.

Говоришь.

— Но не до их суммы.

Она кивает.

— Я знаю.

— И могу добавить бонус за показатели после испытательного периода.

— Какие?

Ты уже почти придумываешь.

Останавливаешься.

— Давай я сначала посчитаю, что реально могу.

Не обещать из страха потерять.

Правильно.

— Хорошо.

Она уходит думать.

Ты остаёшься.

Первая мысль:

надо удержать.

Вторая:

она знает всё.

Расписание.

Пациентов.

Оплаты.

Привычки Нины.

Третья:

без неё будет ужас.

И вот она — та же ловушка.

Незаменимый человек.

Маленькая Ева в маленькой клинике.

Не в романтическом смысле.

Системном.

Ты пишешь Марку:

«Кажется, я поняла твою проблему с Евой».

Он отвечает:

«Добро пожаловать».

«Администратор хочет уйти».

Через минуту:

«Хочешь сочувствие или управление?»

Ты улыбаешься.

«Сначала сочувствие».

«Это ужасно. Неблагодарный мир. Запрети ей».

Ты смеёшься.

«Теперь управление».

Он звонит.

— Первое: не повышай зарплату в панике.

— Уже не.

— Второе: выпиши всё, что она делает, и посмотри, что существует только у неё в голове.

— Да.

— Третье: если останется, всё равно убери незамени-

МОСТЬ.

— Да.

— Четвёртое...

— Ты обещал не больше трёх.

— Ты не говорила.

— Теперь говорю.

Марк смеётся.

— Тогда всё.

— Спасибо.

— Могу помочь составить план передачи?

Ты думаешь.

— Нет.

— Но могу потом показать свой.

— Хорошо.

Так и работает.

На следующий день администратор всё-таки уходит.

Ты повышаешь зарплату немного.

Она благодарит.

Но выбирает сеть.

Тебе больно.

Нина говорит:

— Неблагодарная.

Ты сразу:

— Нет.

— А кто?

— Человек, который выбрал лучшие условия.

Нина хмыкает.

— Очень взрослые все стали.

— Ужасно.

Но вечером ты плачешь в машине.

Пять минут.

Потому что это всё равно ощущается как отказ.

От тебя.

От места.

От того, что строишь.

Потом едешь домой.

И не звонишь Марку, чтобы он исправил.

Звонишь, чтобы сказать:

— Она ушла.

Он отвечает:

— Мне жаль.

— Мне тоже.

И ничего не исправляет.

Именно то, что нужно.

Глава вторая

Люди не принадлежат системе

Через две недели вы нанимаете нового администратора.

Она хуже знает стоматологию.

Зато лучше работает с системами.

В первый же день спрашивает:

— Где инструкция по открытию смены?

Нина смотрит на неё.

Потом на тебя.

— Какая инструкция?

Новая администраторша, Катя, моргает.

— Ну... что именно утром проверять.

— Всё.

Говорит Нина.

Катя ждёт.

— Что «всё»?

Нина начинает перечислять:

касса;

сообщения;

подтверждения пациентов;

расписание;

лаборатория;

доставки;

пропущенные звонки;

запасы на ресепшене.

Катя записывает.

Потом спрашивает:

— А где это зафиксировано?

Тишина.

Ты уже понимаешь.

Нигде.

Потому что прежний администратор просто знала.

А до неё часть знала Нина.

Часть ты.

Часть существовала в коллективной памяти.

То есть система ровно такая, над какой вы с Марком недавно смеялись.

Незаменимый человек знает всё, пока однажды не уходит.

Катя смотрит на вас.

— Я могу сделать чек-лист.

Нина шепчет:

— Уже раздражает.

Ты толкаешь её локтем.

— Сделай.

Через два дня у клиники появляется:

утренний чек-лист;

вечерний;

отдельный список по лаборатории;

таблица повторных звонков;
простая схема, кто отвечает за материалы;
и папка с названием:

«Если меня завтра собьёт автобус».

Ты находишь её на общем диске.

Зовёшь Катю.

— Это что?

Она совершенно спокойно:

— Передача критической информации.

— Название обязательно?

— Запоминается.

Нина из коридора:

— Мне нравится.

Ты открываешь.

Пароли не лежат открытым текстом.

Контакты поставщиков.

Инструкция, как восстановить доступ.

Кому звонить по аренде.

Куда отправлять данные бухгалтеру.

Как оформлять возврат.

Где хранятся шаблоны.

— Ты это за две недели сделала?

— Да.

— Зачем?

Катя смотрит непонимающе.

— Чтобы работа не зависела от того, пришла я сегодня

или нет.

Ты стоишь и чувствуешь почти профессиональный стыд.

Потому что несколько месяцев строила клинику вокруг собственной независимости.

И при этом незаметно строила бизнес, который всё сильнее зависел от конкретных людей.

От Нины.

От тебя.

От первого администратора.

Теперь от Даниила по хирургии.

Независимость владельца легко превращается в зависимость всех остальных от владельца.

Очень неприятная симметрия.

Вечером рассказываешь Марку.

Он слушает.

Потом:

— Я хочу Катю.

Ты сразу:

— Нет.

— В компанию.

— Тем более.

— Можно хотя бы познакомиться?

— Нет.

— Тирания.

— Она работает две недели.

— Именно. Через год будет дороже.

Ты смеёшься.

— Не переманивай моих сотрудников.

— Даже не начинал.

— Лицо уже начало.

Он улыбается.

Потом становится серьёзнее.

— У тебя хороший человек.

— Похоже.

— Не делай ошибку, которую сделал я.

— Какую из?

— Очень смешно.

— Не награждай хорошую системность дополнительной незаменимостью.

Ты понимаешь.

Не скинуть на Катю теперь всё.

— То есть?

— Пусть она строит процесс так, чтобы сама тоже могла уйти.

— Она уже папку про автобус сделала.

— Тогда умнее нас обоих.

— Это невысокая планка.

Марк вздыхает.

— Я приехал поддерживать.

— Поддержал.

С Даниилом после разговора становится лучше.

Не идеально.

Это важно.

Первые две недели он почти показательно согласовывает каждую мелочь.

— Можно переставить пациента на пятнадцать минут?

— Даниил.

— Я спрашиваю.

— Можно.

Через час:

— Пациент просит скидку.

— По какой причине?

— Сложная жизнь.

— У всех.

— Значит, нет.

Он кивает.

Ещё через день:

— Я могу попросить Катю оставить мне окно в четверг?

Ты поднимаешь глаза.

— Ты сейчас издеваешься?

— Немного.

— Прекрати превращать границы в бюрократию.

— А как мне понять, где...

Он замолкает.

Потом:

— Хорошо. Сам понял.

Это уже сложнее.

Потому что настоящая автономия сотрудника не означает спрашивать руководителя обо всём.

Ты же сама ненавидела это в отношениях.

Если Марк каждый раз спрашивал бы:

«Можно я сейчас выскажу мнение?»

«Можно я предложу тебе ужин?»

«Можно позвонить?»

ты сошла бы с ума.

Граница не должна делать другого беспомощным.

Приходится сесть с Даниилом ещё раз.

— Мне не нужно, чтобы ты согласовывал каждый вдох.

— Прекрасно.

— Мне нужно, чтобы ты различал клиническую автономию и организационные решения.

— Я различаю.

— Не всегда.

— Уже лучше.

— Да.

— Например, график внутри твоих выделенных часов — твой.

Если хочешь поставить сложный случай раньше, переставить консультации, изменить длительность — договаривайся с администратором.

Мне не надо знать.

— Хорошо.

— Скидки — общая финансовая политика.

Там спрашиваешь.

— Хорошо.

— Обучение ассистента по хирургической части — твоё.

Унижение ассистента — уже моё.

Он хмыкает.

— Понял.

— И ещё.

— Что?

— Если тебе кажется, что какое-то правило клиники глупое, не соблюдай его молча через раз.

Приходи и скажи.

Даниил смотрит.

— Это разрешение спорить с начальством?

— Ты и без разрешения умеешь.

— Хорошо.

— Тогда спор.

Он сразу:

— У тебя слишком короткие окна для послеоперационных осмотров.

Ты моргаешь.

— Что?

— Десять минут.

— Обычно хватает.

— Пока пациент не приходит с вопросами.

Тогда задерживается весь день.

— Сколько нужно?

— Пятнадцать.

Ты уже готовишься защищать расписание.

Останавливаешься.

— Давай неделю измерим.

Даниил улыбается.

— Вот сейчас было красиво.

— Что?

— Ты почти сказала «нет», потому что это моё предложение.

Ты чувствуешь раздражение.

Потом смеёшься.

— Возможно.

— Рост.

— Не наглей.

Неделя показывает: он прав.

Послеоперационный осмотр в среднем занимает двенадцать минут.

Добавляете пятнадцать.

Расписание становится устойчивее.

Ты официально пишешь изменение в регламент.

Даниил получает сообщение и через минуту отвечает:

«Я сохраню скриншот».

Ты:

«Уволю».

Он:

«За правду?»

Ты улыбаешься.

Вот так лучше.

Не потому что он стал удобным.

Потому что вы оба перестали путать особое отношение с отсутствием правил.

Марк впервые остаётся у тебя пять ночей подряд случайно.

Не обсуждаете.

В понедельник поздно заканчивается встреча.

Во вторник его квартира оказывается дальше от места утренней встречи.

В среду вы идёте в театр и возвращаетесь к тебе.

В четверг он приезжает с ноутбуком.

В пятницу утром ты открываешь шкаф и понимаешь: у него здесь уже не две рубашки.

Четыре.

И брюки.

И зарядка.

И какая-то очень дорогая бритва.

Ты стоишь.

Смотришь.

Марк выходит из ванной.

Замечает направление взгляда.

Останавливается.

— Что?

— Это что?

Он смотрит в шкаф.

— Одежда.

— Я вижу.

— Тогда сложный вопрос.

Ты поворачиваешься.

— Четыре рубашки.

— Да.

— Брюки.

— Да.

— Бритва.

— Очень хорошая.

— Марк.

Он уже улыбается.

— Что?

— Ты переезжаешь?

Улыбка исчезает.

— Нет.

Ответ слишком быстрый.

Ты проверяешь себя.

Паника?

Почти нет.

Интересно.

Раньше четыре рубашки могли вызвать внутреннее заседание конституционного суда.

Сейчас просто хочется понять.

— Тогда откуда всё это?

— Я остаюсь здесь.

— Часто.

— Да.

— Если тебе слишком много, заберу.

Вот правильный ответ.

Но ты не уверена, что хочешь.

Подходишь.

Берёшь одну рубашку.

— Эта остаётся.

Марк кивает.

— Эта тоже.

Вторая.

— Третья.

Он улыбается.

— Четвёртую заberi.

— Почему?

— Мне не нравится.

Марк смотрит возмущённо.

— Ты три месяца ничего не говорила.

— Я добрая.

— Лицемерная.

— Очень.

Потом берёшь брюки.

— Это тоже можно.

— А бритва?

Ты думаешь.

— Бритва раздражает.

— Почему?

— Слишком постоянная.

Марк начинает смеяться.

— Четыре рубашки — временно, а бритва — захват территории?

— Именно.

— Я заберу.

— Спасибо.

Он идёт в ванную.

Ты стоишь со странным ощущением.

Граница существует.

Но теперь ты не обязана ставить её там, где ставила раньше.

Можно изменить.

Не потому что проиграла.

Потому что обстоятельства изменились.

Ты сама изменилась.

Через минуту Марк выходит с бритвой.

— Вот.

— Что?

— Забираю символ империализма.

Ты смеёшься.

— Положи обратно.

Он замирает.

— Что?

— Я передумала.

— За сорок секунд?

— Да.

— Это разрешено?

— Мне — да.

Марк ставит бритву обратно.

Не комментирует.

Через несколько минут, когда вы уже завтракаете, всё-таки спрашивает:

— Что изменилось?

Ты думаешь.

— Я поняла, что реагирую не на бритву.

— А на что?

— На то, что она что-то значит.

— И?

— А потом поняла, что значение я сама придумала.

— Это просто бритва.

Марк улыбается.

— Самая дорогая терапия, которую я когда-либо покупал.

— Не наглей.

У литературного клуба появляется пациентка.

Случайно.

Женщина лет тридцати пяти приходит раньше.

Нина ещё занята.

На столе у стойки лежит книга Анаис Нин, которую Катя забыла убрать после обеда.

Пациентка замечает.

— У вас интересная литература.

Катя краснеет.

Ты выходишь как раз в этот момент.

— Это не медицинская рекомендация.

Женщина смеётся.

— Жаль.

Ты берёшь книгу.

— Коллективное образование.

— И как?

Ты думаешь.

— Медицинские тексты обычно яснее по вопросам согласия.

Она смеётся ещё сильнее.

После приёма, уже расплачиваясь, говорит:

— Кстати, если будете делать книжный клуб, позовите.

Катя ждёт, пока дверь закрывается.

Потом:

— Может, правда?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у нас стоматология.

— Одно другому не мешает.

Нина появляется из стерилизационной.

— Я за.

Ты закрываешь лицо руками.

Так через месяц в клинике всё-таки появляется книжный вечер.

Не для пациентов официально.

Для сотрудников и друзей.

Раз в месяц после работы.

Первой темой Мира назначает:

«Эротика, которая совершенно не выдержала бы понедельника».

Ты протестуешь.

Проигрываешь.

Приходят:

ты;

Мира;

Соня;

Нина;

Катя;

новая ассистентка;

Даниил, который сначала говорит, что никогда не придёт,
а потом появляется с кофе;

Марк — только потому, что Мира лично пишет:

«Боишься?»

Он, конечно, приходит.

Лера подключается по видео на двадцать минут между сменами.

На столе лежат книги.

Не только эротические.

Кто-то приносит «Опасные связи».

Кто-то — «Любовника леди Чаттерлей».

Мира снова кладёт «Пятьдесят оттенков серого».

Марк смотрит на неё.

— Вы намеренно.

— Да.

Соня листает книгу.

— Я хочу предупредить, что буду профессионально невыносима.

Нина:

— Ты психолог. Мы знаем.

Даниил садится напротив Марка.

Очень плохое расположение.

Ты замечаешь.

Ничего не меняешь.

Мира открывает обсуждение:

— Итак. Вопрос. Почему в книгах контролирующий мужчина сексуальный, а в жизни мы советуем подруге менять замки?

Марк медленно:

— Я могу уйти.

Ты смеёшься.

— Нет.

Соня отвечает первой:

— Потому что фантазия не обязана предоставлять человеку гражданские права.

Все смеются.

Мира:

— Расшифруй.

— В фантазии читатель контролирует дистанцию.

Можно закрыть книгу.

Можно представить только ту часть динамики, которая возбуждает.

Можно убрать последствия.

Катя:

— То есть как ужастик?

— В каком-то смысле.

Продолжает Соня.

— Люди смотрят фильмы про убийц не потому, что хотят встретить убийцу в подъезде.

Нина:

— Справедливо.

Мира показывает на Марка:

— Ваш комментарий как представителя контролирующих мужчин?

Он смотрит на тебя.

— Я пришёл сюда добровольно?

— Уже нет.

Смех.

Марк берёт книгу.

— Мой комментарий: если герой богатый, красивый и вымышленный, ему прощают очень сильные управленческие нарушения.

Ты едва не давишься кофе.

Даниил неожиданно:

— А если врач красивый?

Ты поворачиваешься.

— Тебе особенно не прощают.

Все смеются.

Даже Марк.

Через несколько минут разговор становится серьезнее.

Ассистентка спрашивает:

— А если женщине правда нравится, когда мужчина решает?

Ты отвечаешь не сразу.

Потом:

— Тогда может нравиться.

— И это не противоречит независимости?

Ты думаешь.

— Зависит от того, может ли она в любой момент забрать решение обратно.

Соня кивает.

Марк молчит.

Даниил тоже.

— Например?

Спрашивает Катя.

Мира сразу:

— Сейчас будет стоматологическое информированное согласие на BDSM.

Ты:

— Не будет.

Общий смех.

Потом всё же отвечаешь:

— Например, я могу сказать Марку: выбери ресторан.

Это не означает, что он теперь выбирает, где я работаю.

— Могу доверить человеку вести меня в каком-то моменте и при этом не передать ему общую власть над жизнью.

Марк смотрит на тебя.

Очень.

Слишком.

Мира замечает.

Конечно.

— Так.

Говорит она.

— У нас внезапно стало жарко.

— Замолчи.

Даниил берёт чашку.

— Я сейчас чувствую себя лишним в литературном клубе.

Нина:

— Только сейчас?

Все смеются снова.

Но ты замечаешь Марка.

Взгляд.

Тело отвечает.

Вот литература и делает то, что должна.

Не обучает.

Не диктует.

Открывает дверь в фантазию.

Что с ней делать дальше — уже твоя ответственность.

Дома Марк спрашивает:

— Ты это серьёзно?

Ты снимаешь серьги.

— Что?

— Про то, что иногда хочешь отдать решение.

Ты видишь отражение в зеркале.

Его за спиной.

— Да.

— Мне?

— Иногда.

Он подходит ближе.

Не касается.

— И ты никогда не говорила.

— Я говорила про фантазии.

— Абстрактно.

Вот любимая проблема Марка с абстракциями.

— А теперь спрашиваешь конкретно.

Он смотрит через зеркало.

— Что именно ты хочешь?

Ты чувствуешь, как становится неловко.

Не потому что стыдно.

Потому что фантазия внутри головы всегда выглядит естественнее, чем когда её надо превратить в слова.

— Иногда хочу не решать.

— Что?

— Всё.

— Несколько минут.

Не жизнь.

Марк внимательно слушает.

— Чтобы ты сказал, что делать.

Где стоять.

Когда подойти.

Когда остановиться.

Он ничего не делает.

И именно поэтому говорить легче.

— Но?

Спрашивает.

— Но я должна в любой момент иметь возможность сказать нет.

— Конечно.

— И если скажу — всё прекращается.

— Да.

— Без обиды.

Он почти улыбается.

— Постараюсь быть трагически зрелым.

Ты тоже улыбаешься.

— И ещё.

— Что?

Ты поворачиваешься к нему.

— То, что я могу хотеть быть «твоей» там...

— Не означает, что я твоя везде.

Марк становится очень серьёзным.

— Понимаю.

— Настоящее?

— Да.

Ты ждёшь.

Он спрашивает:

— А сегодня?

Сердце ускоряется.

Вот вопрос.

Не:

я знаю, что тебе нужно.

Не действие.

Вопрос.

— Да.

Он всё ещё не касается.

— Хочешь, чтобы я решал?

Ты киваешь.

— Скажи.

Ты ненавидишь, что он заставляет произнести.

И понимаешь почему.

— Да.

Голос тише.

— Хочу.

Марк подходит.

Теперь касается.

Не резко.

Но иначе.

В его движениях появляется та уверенность, которая с самого начала одновременно привлекала и пугала тебя.

Только сейчас разница огромная.

Ты сама открыла эту дверь.

Он не выбил.

Когда Марк говорит:

— Иди сюда.

Ты идёшь.

Не потому что должна.

Потому что приятно не решать эти несколько шагов.

Когда направляет твои руки, позволяешь.

Когда останавливается, чтобы посмотреть на лицо, раздражаешься.

— Не проверяй каждые три секунды.

— Это сложно.

— Терпи.

Он улыбается.

Дальше меньше слов.

Больше доверия.

Не грубость.

Не спектакль из книги.

Просто выбранная тобой потеря части контроля — ровно до тех пор, пока она остаётся выбранной.

В какой-то момент Марк говорит тихо:

— Моя.

И тело отвечает раньше головы.

Сильно.

Ты закрываешь глаза.

Не споришь.

Потому что здесь — можно.

Сегодня.

Сейчас.

В этой комнате.

Между вами.

Позже лежите рядом.

Дыхание уже спокойное.

Марк касается пальцами твоей руки.

Ты говоришь:

— Снаружи так не называй.

Он не спрашивает, о чём.

— Не буду.

— Даже если тебе понравилось.

— Очень понравилось.

— Марк.

— Я услышал.

— Здесь?

Спрашивает он.

Ты улыбаешься.

— Иногда.

— А как понять, когда?

— Спроси.

Он смеётся.

— Вся наша история свелась к одному слову.

— Какому?

— «Спроси».

Ты думаешь.

— Неплохое.

Он целует тебя в плечо.

— И ты иногда скажешь да.

— Иногда.

— Жестокая женщина.

— Ты знал.

Вот так фантазия, которая когда-то пугала тебя собственной противоречивостью, становится не доказательством скрытого желания подчиниться.

А ещё одним местом выбора.

Можно добровольно отдать контроль.

И получить обратно без войны.

Пожалуй, это гораздо эротичнее половины знаменитых романов.

Хотя в них, конечно, меньше разговоров про компрессор.

Через две недели Даниил снова срывается.

На этот раз серьёзнее.

Не с ассистенткой.

С Катей.

Ты выходишь из кабинета и слышишь голос ещё из коридора.

— Я тебе третий раз объясняю: этот пациент должен был быть у меня.

Катя отвечает спокойно:

— У него первичная боль. В расписании он был у свободного терапевта.

— Я сказал ставить такие случаи мне.

— Это не наше правило.

— Тогда правило идиотское.

Ты останавливаешься.

Катя:

— Обсудите это с руководителем.

— Мне не нужно согласование на каждый клинический случай.

— Расписание — не клинический случай.

Хорошая.

Ты уже почти гордишься ею.

Даниил:

— Слушай, я работал в клиниках ещё когда...

Ты входишь.

— Когда что?

Он замолкает.

Катя смотрит на тебя.

— Всё нормально.

— Не похоже.

Даниил сжимает челюсть.

— Мы спорим.

— Я слышу.

— Тогда ты слышала только конец.

— Достаточно.

Он напрягается.

— Нет.

Вот первое открытое «нет» тебе как руководителю.

Ничего страшного само по себе.

Сотрудник может не соглашаться.

Ты ждёшь.

— Катя дважды поставила хирургического пациента терапевту.

— Пациента с болью.

— Которому потом всё равно понадобилось удаление.

— После диагностики.

— Которую я мог провести сразу.

— И это можно обсуждать.

— Я обсуждаю.

Ты смотришь.

— Нет.

Ты давишь.

Он замирает.

— Ты сейчас объясняешь администратору, что правило идиотское и что твой профессиональный стаж даёт тебе право его игнорировать.

— Это не обсуждение.

Коридор тихий.

Нина где-то рядом.

Ассистентка тоже слышит.

Плохо.

Ты говоришь:

— В кабинет.

Даниил:

— Не надо делать из этого...

— В кабинет.

Он идёт.

Вот уже власть.

Настоящая.

Неприятная.

Ты закрываешь дверь.

— Что происходит?

— Я устал от того, что здесь любую нормальную инициативу надо согласовывать.

— Неправда.

— Правда.

— Назови три примера.

Он молчит.

— Кроме скидок и изменения общей маршрутизации.

— Вот.

— Это не «любая инициатива».

— Ты контролируешь всё, что касается меня.

Слова ударяют.

— Нет.

— Да.

— Потому что ты Даниил?

— Потому что ты мне не доверяешь.

В разговор входит личное.

— Я доверяю тебе клинически.

— А во всём остальном держишь короткий поводок.

Ты холодеешь.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что я твой работодатель.

И потому что у нас были отношения, которых теперь нет.

И если тебе кажется, что правила для сотрудника — это поводок от бывшей женщины...

— Нам надо заканчивать сотрудничество.

Даниил застывает.

Сразу.

— Что?

Ты сама слышишь собственные слова.

Они серьёзные.

Не можешь вернуть только потому, что испугалась.

— Если ты воспринимаешь управленческую структуру как личное унижение, мы не сможем работать.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что?

Он встаёт.

Ходит по маленькому кабинету.

— Чёрт.

— Я не знаю.

Ты ждёшь.

Он говорит:

— Иногда мне кажется, что всё, что я делаю здесь, ты проверяешь строже.

— Я думала об этом.

Он смотрит.

— И?

— Возможно, иногда да.

Честно.

— Вот.

— Но это не отменяет того, что ты дважды нарушил правила скидок.

Самовольно менял маршрутизацию.

Говорил с сотрудниками свысока.

И сегодня использовал стаж как аргумент, почему администратор должна сделать по-твоему.

Он молчит.

— Это факты.

— Да.

— Если бы так делал другой хирург, я бы уже вынесла официальное предупреждение.

— Тебе не вынесла.

Даниил смотрит.

Смысл доходит.

— То есть я получал поблажки.

— Возможно.

Очень неприятное признание.

Для вас обоих.

— Потому что ты...

Он не заканчивает.

— Потому что у нас история.

Да.

— Значит, ты была мягче.

— Иногда.

— А я думал, жёстче.

— Может быть и то и другое.

Человеческие отношения умеют одновременно искажать в разные стороны.

Ты садишься.

— Поэтому дальше только формально.

— Что значит?

— Письменное предупреждение.

Конкретные нарушения.

Конкретные ожидания.

Если повторится — заканчиваем договор.

Лицо Даниила становится жёстким.

— Ты серьёзно.

— Да.

— После всего.

Ты слышишь.

— После чего?

Он молчит.

— Даниил.

— Неважно.

— Нет.

Теперь важно.

— После чего?

Он смотрит.

Больно.

— После того, сколько я был рядом.

Вот оно.

В самой чистой форме.

Не «я помог строить».

Но близко.

— Это не покупает тебе особый статус здесь.

Говоришь.

Он закрывает глаза.

— Знаю.

— Похоже, не до конца.

— Я тоже не до конца знала.

Ты не делаешь себя выше.

— Поэтому и мы оба запутались.

Он садится обратно.

Долго молчит.

Потом:

— Дай предупреждение.

Ты удивляешься.

— Что?

— Официальное.

— Если я хочу работать здесь, должен выдержать те же правила, что другой врач.

Ты киваешь.

— Да.

— И если не выдержу — уйду.

— Да.

Он смотрит на тебя.

— Очень неприятно.

— Мне тоже.

— Ты знаешь, что часть меня сейчас хочет сказать, что мне эта клиника вообще не нужна?

— Знаю.

— И хлопнуть дверью.

— Это тоже твой выбор.

Он почти улыбается.

— Вот за это иногда хочется тебя задушить.

— Неудачная формулировка на рабочем месте.

— Прости.

Оба смеётесь.

Нервно.

Но смеётесь.

Сотрудничество остаётся.

Пока.

Ты выходишь.

Катя сидит за стойкой.

— Всё нормально?

Спрашивает она.

Ты думаешь.

— Мы разбираемся.

— Хорошо.

— Я не буду менять правило, пока вы не скажете.

— Правильно.

Она кивает.

Потом:

— Но он по сути прав, что часть пациентов можно сразу направлять хирургу.

Ты останавливаешься.

Смотришь.

Катя пожимает плечами.

— Просто по форме был неправ.

Ты начинаешь смеяться.

— Почему у меня все сотрудники спорят?
Нина из соседней комнаты:
— Потому что ты сама таких нанимаешь.
Возможно.

В тот вечер Марку не рассказываешь.
Не сразу.

Сначала пишешь официальное предупреждение.
Показываешь бухгалтеру и юристу.
Убираешь эмоциональные формулировки.
Оставляешь:

самовольное изменение финансовых условий;
несоблюдение утверждённой маршрутизации пациентов;
некорректная коммуникация с сотрудниками;
порядок повторного нарушения.
Даниил подписывает.

Пишет рядом:
«С содержанием ознакомлен».

Никакой драмы.
Только после этого дома говоришь Марку.
Он слушает.

В конце:
— Хочешь моё мнение?
— Да.
— Ты слишком долго тянула.
Неприятно.

— Возможно.

— Потому что он тебе небезразличен.

— Возможно.

— И потому что боялась подтвердить мои подозрения.

Ещё неприятнее.

— Возможно.

Марк молчит.

Ты раздражённо:

— Очень приятно разговаривать с человеком, который сегодня во всём прав.

— Я ещё не закончил.

— Конечно.

— Ты всё равно сделала правильно.

Ты смотришь.

— Не увольняя?

— Не мне решать.

— Дав правила.

Он либо научится быть внутри системы, где не главный, либо уйдёт.

— Именно.

Марк усмехается.

— Иронично.

— Что?

— Кажется, мы с ним учимся одному и тому же.

Ты не сразу понимаешь.

Потом:

быть рядом с тобой и не считать близость правом.

— Да.

Говоришь.

Марк смотрит.

— Только у него испытательный срок.

— У тебя тоже.

Он смеётся.

— Всю жизнь?

Ты думаешь.

— У всех.

И это не угроза.

Просто правда.

Отношения не дают пожизненную лицензию на всё последующее поведение.

Ни любовь.

Ни дружба.

Ни семь лет лояльности.

Ни то, что однажды был рядом в самый тяжёлый период.

История имеет значение.

Но она не выдаёт вечных прав на человека.

Наверное, именно это Ева поняла про Марка.

Даниил — про тебя.

А ты постепенно понимаешь про всех.

Включая себя.

Глава третья

Испытательный срок

После официального предупреждения Даниил становится безупречным.

На девять дней.

Ты даже считаешь.

Не специально.

Просто на десятый ловишь себя на мысли:

девять дней.

Девять дней он не меняет расписание без согласования.

Не делает скидки.

Не комментирует решения Кати при пациентах.

Не разговаривает с ассистентами так, будто ошибка — моральный недостаток.

Даже приходит к тебе с предложением изменить маршрутизацию первичных хирургических пациентов.

С цифрами.

— Я взял последние сорок два обращения.

Говорит.

Ты поднимаешь глаза.

— Сам?

— Катя выгрузила обезличенные данные.

— С её согласия?

— Да.

— Молодец.

Он делает вид, что не слышит иронии.

— Из сорока двух шестнадцать в итоге всё равно попали ко мне.

— И?

— Одиннадцать можно было сразу записать на хирургическую консультацию по жалобам и снимкам.

— А пять?

— Нуждались в нормальной первичной диагностике терапевтом.

Ты смотришь таблицу.

Он действительно не просто доказывает свою правоту.

Разделил.

Показал.

Предлагает критерии.

— То есть не «всех ко мне».

— Нет.

— А конкретные случаи.

— Да.

— Хорошо.

Даниил чуть улыбается.

— Ты сейчас согласилась со мной?

— Не привыкай.

— Уже поздно.

Вы вместе меняете правило.

Катя получает новый алгоритм.

Критерии предварительного направления хирургу.

С возможностью администратора при сомнении не угадывать, а оставить обычную консультацию.

Работает.

И это, пожалуй, самое неприятное в конфликте с хорошими специалистами.

Иногда человек ведёт себя ужасно.

И всё равно бывает прав по существу.

Очень хотелось бы, чтобы мир организовался удобнее.

Плохие люди ошибались во всём.

Хорошие всегда выбирали правильный тон.

Реальность почему-то не помогает.

К концу месяца клиника впервые проходит неделю почти без твоего постоянного вмешательства.

Ты не замечаешь сразу.

В пятницу около пяти Катя входит в кабинет.

— У вас сегодня нет больше пациентов.

Ты проверяешь расписание.

— Я вижу.

— И никто ничего не сломал.

— Не сглазь.

— Материалы заказаны.

— Нина?

— Уже проверила.

— Лаборатория?

— Забрали.

— Завтра?

— Все подтверждены.

Ты смотришь на неё подозрительно.

— Что ты хочешь?

Катя смеётся.

— Ничего.

— Так не бывает.

— Я просто хотела сказать, что вы можете уйти.

Пять двадцать.

В пятницу.

Уйти.

Ты остаёшься сидеть.

— Что?

Спрашивает Катя.

— Непривычно.

— Что именно?

— Что без меня не рушится.

Она пожимает плечами.

— А должно?

Хороший вопрос.

Очень неприятный для владельца.

Ты закрываешь ноутбук.

— Нет.

— Тогда идите.

В коридоре Нина видит тебя в пальто.

— Ты куда?

— Домой.

Она смотрит на часы.

— Заболела?

— Вы все сегодня специально?

— Просто исторический момент.

Ты показываешь ей неприличный жест.

Она смеётся.

В машине не заводишь двигатель пару минут.

Пять двадцать.

Свободный вечер.

Первый импульс — написать Марку.

Потом понимаешь: он сегодня на совете.

Может быть занят до девяти.

Раньше автоматически построила бы вечер вокруг его доступности.

Сегодня думаешь иначе.

Чего хочешь ты?

Кино.

Одна.

Мысль появляется неожиданно.

Ты давно не ходила в кино одна.

Покупаешь билет на ближайший сеанс.

Не на серьёзную драму.

На совершенно нелепую романтическую комедию, в кото-

рой по трейлеру очень богатый мужчина скрывает, что очень богатый, чтобы женщина полюбила его «настоящего».

Уже на восьмой минуте ты понимаешь, что сценарист никогда не встречал людей с деньгами.

На двадцатой герой снимает для героини целый ресторан, чтобы показать, какой он простой.

Ты смеёшься одна.

Женщина рядом поворачивается.

Ты шепчешь:

— Простите.

Через полчаса герой говорит:

— Я сделал это всё ради тебя.

Героиня плачет от счастья.

Ты думаешь:

нет, дорогая. Сначала спроси, кто согласовывал бюджет.

Это, видимо, необратимо.

Отношения с Марком и собственная клиника окончательно испортили способность без вопросов смотреть на богатых мужчин в художественной литературе.

В финале он покупает дом её детства.

Ты шепчешь:

— Нет.

Та же женщина рядом снова смотрит.

На этот раз улыбается.

После фильма вы случайно выходите одновременно.

Она говорит:

— Вам тоже не понравился дом?

Ты смеёшься.

— Я бы убила.

— Я тоже.

И расходитесь.

Незнакомая женщина, с которой вас на две минуты объединило возмущение чужой романтической недвижимостью.

Хороший вечер.

Марк звонит в девять десять.

— Ты где?

— Уже дома.

— Как работа?

— Я ушла в пять двадцать.

Тишина.

— Что случилось?

Ты начинаешь смеяться.

— Почему все так реагируют?

— Потому что ты никогда не уходишь в пять двадцать.

— Теперь ушла.

— И?

— Ходила в кино.

— С кем?

Вопрос выходит автоматически.

Ты слышишь.

Он тоже.

— Одна.

— Хорошо.

Потом сразу:

— Нет. Не «хорошо». Просто спросил.

Ты улыбаешься.

— Можешь ревновать к моему свиданию с попкорном.

— К попкорну нет.

— Фильм был про богатого мужчину.

— Уже хуже.

Ты рассказываешь про дом.

Марк молчит.

Потом:

— Я не вижу проблемы.

— Конечно.

— Если дом хороший.

— Марк.

Он смеётся.

— Шучу.

— Почти.

— Ты бы купил?

Он думает.

— Раньше?

— Да.

— Возможно.

— А сейчас?

— Спросил бы.

— Настоящее?

— Да.

— И если бы я сказала нет?

— Купил бы себе.

Ты смеёшься.

— Вот это рост.

Он становится тише.

— Ты действительно пошла одна и тебе было хорошо?

— Да.

— Рад.

На этот раз слово звучит нормально.

Потом:

— Я почему-то всё ещё иногда думаю, что если у тебя свободный вечер, он автоматически наш.

Он сам приносит.

— И?

— А потом вспоминаю, что нет.

— Трудно?

— Иногда.

— Мне тоже.

— В каком смысле?

Ты ложишься на диван.

— Иногда, если ты занят, я всё ещё сначала чувствую себя так, будто вечер отменился.

— А потом вспоминаю, что у меня тоже есть жизнь.

Марк молчит.

— Неприятно слышать первую часть.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть человеком, вокруг которого ты выстраиваешь свободное время.

Тёплая мысль.

— Уже меньше.

— Хорошо.

Ты улыбаешься.

— Теперь правильно.

В субботу Мира приезжает в клинику с новой картиной и старой проблемой.

Картину оставляет в машине.

Проблему приносит с собой.

Садится в комнате персонала.

— Он женится.

Ты сначала не понимаешь.

— Кто?

Она смотрит.

Понимаешь.

Тот самый галерист.

Мужчина, которого она любила.

Который был женат.

Чья жена тогда была беременна.

Который потом ушёл.

Которого Мира всё равно не выбрала.

— На ком?

— Не на мне, очевидно.

— Очень полезно.

— На другой женщине.

Ты садишься напротив.

— Быстро.

— Прошло почти два года.

Ты считаешь.

Да.

Жизнь действительно движется быстрее, чем внутри.

— Откуда узнала?

— Он написал.

Ты напрягаешься.

— Зачем?

— Сказал, что не хотел, чтобы узнала случайно.

Нормальный человеческий поступок.

От этого почему-то сложнее его ненавидеть.

— Что ты ответила?

— «Спасибо, что сказал».

— И?

Мира открывает телефон.

Показывает.

Он написал:

«Я не хочу делать тебе больно. Просто подумал, что

так честнее».

Она:

«Понимаю. Желаю вам добра».

Потом ничего.

— Очень взросло.

— Ненавижу.

— Верю.

Она открывает сумку.

Достаёт шоколад.

— Мне хочется напиться, но я решила сначала съесть сахар.

— Тоже стратегия.

— Знаешь, что самое мерзкое?

— Что?

— Я думала, что когда перестану хотеть его обратно, мне станет всё равно, кого он любит.

Ты молчишь.

— Не стало.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что одно дело не хотеть быть с человеком.

Другое — перестать хотеть быть особенной в его истории.

Мира смотрит.

— Это Соня тебя испортила?

— Возможно.

Она ломает шоколад.

— Я всё ещё хочу, чтобы он иногда думал обо мне.

— Наверное, думает.

— Это плохо, что мне приятно?

— Нет.

— А его невесте?

— Ты ничего не делаешь.

Мира усмехается.

— Опять ваша религия действий.

— Очень удобная.

Потом она замечает книгу на полке.

«Любовник леди Чаттерлей».

— О.

— Не начинай.

Мира берёт.

— Вот, кстати.

— Что?

— Роман, который половина людей обсуждает как великую историю освобождения тела, а я теперь читаю и думаю: господи, сколько боли можно было бы избежать одним честным разговором до леса.

Ты смеёшься.

— Но тогда книги не было бы.

— Вот поэтому литература экономически заинтересована в плохой коммуникации.

Нина входит именно на этой фразе.

— Что опять?

Мира:

— Мы раскрыли бизнес-модель романов.

— Секс?

— Нет. Люди, которые не разговаривают.

Нина кивает.

— Тогда да. Бесконечный рынок.

Клиника растёт медленно.

И именно поэтому устойчиво.

Ты вводишь один день, когда второй кабинет работает
полный график.

Потом два.

Даниил загружен.

Терапевт тоже.

Появляется гигиенист на два дня.

Нина становится старшей ассистенткой официально.

Катя через три месяца получает прибавку.

Не потому что грозитя уйти.

Потому что выросла ответственность.

Ты впервые проводишь короткое общее собрание коман-
ды.

Шесть человек.

Не корпорация.

Но уже не ты и Нина в пустых кабинетах.

— Хочу одну вещь.

Говоришь.

— Если вы видите, что какой-то процесс держится только на одном человеке, говорите.

Нина:

— Даже на тебе?

— Особенно на мне.

Даниил усмехается.

— Записал.

Ты игнорируешь.

— И второе.

Если правило мешает работать, не обходите его тихо.

Приходите спорить.

Катя:

— Есть форма?

Ты смеёшься.

— Пока нет.

— Сделаю.

— Конечно.

Потом Даниил поднимает руку.

Ты смотришь.

— Серьёзно?

— Хочу быть дисциплинированным сотрудником.

— Говори.

— Нам нужен второй хирургический день.

— Загрузка ещё не позволяет.

— Через месяц позволит.

— Покажи цифры.

— Покажу.

Нормально.

После собрания он остаётся.

— Это было хорошо.

— Что?

— То, что ты сказала про обход правил.

Ты ждёшь.

— Я понял, что часто именно так и делал.

Если правило казалось мне глупым, я не спорил нормально.

Просто решал, что знаю лучше.

Ты почти улыбаешься.

— Знакомо.

— Да.

Он понимает, о ком.

— Я не хочу быть как Марк.

Ты сразу:

— Не сравнивай себя с ним.

— Почему?

— Потому что вы разные.

— Но механизм...

— Может быть похож.

— Но если ты строишь своё изменение вокруг того, чтобы стать «лучше Марка», всё равно останешься с ним в голове.

Даниил молчит.

Потом:

— Неприятно.

— Я стараюсь.

— Получается.

Он идёт к двери.

— И кстати.

— Что?

— Я начал встречаться с женщиной.

Ты не ожидала.

Тело реагирует странно.

Не ревностью.

Чем-то рядом.

Как будто старое место внутри тебя, которое давно никто не использовал, всё равно замечает, что дверь закрывают.

— Хорошо.

Говоришь.

Даниил улыбается.

— Настоящее?

Ты смеёшься.

— Да.

— Ты не спросишь кто?

— Хочешь рассказать?

— Пока нет.

— Тогда нет.

Он кивает.

— Спасибо.

И уходит.

Ты остаёшься.

Вот и всё.

Нет драматической боли.

Нет внезапного осознания, что любила его.

Просто странное чувство.

Человек, который долго был возможностью, начинает становиться чужой реальностью.

Это нормально.

И немного грустно.

Вечером замечаешь, что фантазия о нём не приходит.

И от этого тоже немного грустно.

Не потому что хочешь вернуть.

Потому что даже желания иногда заканчиваются.

Без решения.

Без церемонии.

Просто однажды перестают приходить.

Марк замечает твою задумчивость за ужином.

— Что?

— Ничего.

— Ты сегодня почти не споришь.

— Это диагностический критерий?

— Серьёзный.

Ты улыбаешься.

— Даниил встречается с женщиной.

Марк перестаёт жевать.

Вот так.

Очень человечески.

— И?

— И ничего.

— Почему тогда сказала?

Хороший вопрос.

Ты думаешь.

— Потому что почувствовала что-то странное.

Он ждёт.

— Не ревность.

Но как будто закончилась ещё одна версия будущего, которую я уже давно не собиралась выбирать.

Марк медленно кивает.

— Понимаю.

Ты поднимаешь брови.

— Настоящее?

— Да.

— Почему?

Он думает.

— Когда Ева сказала, что уходит, я тоже почувствовал потерю не только человека на должности.

— Закрылась версия жизни, где она всегда рядом.

Даже если я никогда не собирался делать её партнёром.

Похоже.

— Тебе было больно?

— Да.

— Ты ей сказал?

— Нет.

— Почему?

— Потому что её уход был не местом, где ей нужно было нести ещё и мои чувства.

Ты смотришь на Марка.

Вот это изменение.

Большое.

Не громкое.

— Хорошо.

Говоришь.

— Это оценка?

— Да.

— Принимаю.

Он улыбается.

Потом, конечно:

— А тебе неприятно, что Рогов с кем-то?

— Немного.

Лицо меняется.

— Насколько немного?

Ты начинаешь смеяться.

— Не начинай.

— Я просто уточняю клиническую значимость симптома.

— Я ненавижу книжный клуб.

— Он расширяет словарь.

— Марк.

Он поднимает руки.

— Всё.

Через минуту:

— Ты его всё ещё хочешь?

Ты думаешь.

Раньше ответ был бы быстрее.

Сегодня приходится искать.

— Не знаю.

— Это хуже.

— Почему?

— Потому что «да» хотя бы понятно.

Ты смеёшься.

— Думаю, уже почти нет.

Марк молчит.

Очень спокойно.

Слишком спокойно.

— Ты сейчас внутри празднуешь?

— Немного.

— Честность.

— Ты просила.

— Идиот.

— Но зрелый.

— Не настолько.

Марк постепенно остаётся у тебя всё чаще.

Это происходит без решения.

И именно поэтому в какой-то момент приходится решение принять.

Не про переезд.

Про быт.

В воскресенье ты открываешь холодильник.

Там его продукты.

Не какие-то абстрактные.

Конкретный йогурт, который ты не ешь.

Минеральная вода, которую покупает он.

Контейнер с едой, приготовленной его помощницей по дому и принесённой сюда.

Ты стоишь.

Смотришь.

Марк входит.

— Что?

— Ты захватил холодильник.

— Там одна полка.

— Началось с бритвы.

— Она до сих пор там.

— Именно.

Он смеётся.

Ты не совсем.

— Давай поговорим.

Улыбка исчезает.

— Хорошо.

Садитесь.

— Сколько ночей в неделю ты здесь?

Марк думает.

— Четыре?

— Иногда пять.

— Да.

— А я у тебя?

— Две-три.

— То есть фактически мы живём в двух квартирах, но большую часть времени вместе.

— Похоже.

— Это глупо?

Он осторожно:

— Не обязательно.

Хороший ответ.

Не бросается к совместному жилью.

— Тебе как?

Спрашиваешь.

— Честно?

— Да.

— Я хочу жить с тобой.

Прямо.

Не страшно.

Но серьёзно.

— Давно?

— Ещё до того, как мы расстались.

— Почему не говорил?

Он смотрит.

Ты сама понимаешь.

— Ладно.

— Именно.

— А сейчас?

— Сейчас могу спросить.

— Ты хочешь?

Ты не отвечаешь сразу.

Смотришь на свою кухню.

Стол.

Чашки.

Окно.

Дом, который долго был доказательством, что ты можешь
одна.

Теперь это просто дом.

Марк не изменил его смысл.

Ты сама перестала требовать от стен доказывать что-либо.

— Не знаю.

Говоришь.

Он кивает.

Без разочарованного вздоха.

— Хорошо.

— Но не «нет».

— Услышал.

— И я не хочу переезжать к тебе.

— Почему?

— Твоя квартира слишком твоя.

Он удивляется.

— А эта?

— Уже немного наша.

Слово выходит раньше решения.

Оба замираете.

Ты тоже слышишь.

Наша.

Марк очень осторожно:

— Можно я никак не прокомментирую?

Ты начинаешь смеяться.

— Да.

— Спасибо.

— Но если когда-нибудь...

Ты ищешь.

— Если будем жить вместе, я хочу новое место.

Он удивляется ещё сильнее.

— Почему?

— Чтобы никто не въезжал в чужую жизнь.

Ни я в твою.

Ни ты в мою.

— Новое пространство.

Марк молчит.

И ты сразу замечаешь опасность.

Его мозг уже строит.

Районы.

Метры.

Парковка.

Безопасность.

— Не ищи.

Говоришь.

Он закрывает глаза.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо работает громко.

— Жестоко.

— Пока не ищи.

— Хорошо.

— Когда-нибудь можно будет?

Ты улыбаешься.

— Если я скажу.

— Невыносимо.

— Зато понятно.

Даниил знакомит тебя со своей женщиной случайно.

Она приходит за ним после смены.

Высокая.

Тёмные волосы.

Около тридцати.

Не врач.

Представляется:

— Алина.

Даниил:

— Это...

Останавливается.

Не знает, как тебя обозначить.

Руководитель?

Коллега?

Женщина, которую любил?

Ты спасаешь.

— Я хозяйка этого бардака.

Алина улыбается.

— Он говорил, что здесь слишком много правил.

Ты смотришь на Даниила.

— Правда?

Он закрывает глаза.

— Мы только начали встречаться, а ты уже рушишь.

Алина смеётся.

— Он ещё сказал, что половина правил разумные.

— А другая?

— Он пока спорит.

Нравится тебе сразу.

Это немного неудобно.

Хотелось бы иметь возможность не любить девушку мужчины, о котором когда-то фантазировала.

Реальность опять не помогает.

Алина работает архитектором.

У неё своя небольшая команда.

Через десять минут вы обсуждаете управление людьми.

Она говорит:

— Самое сложное — бывшие однокурсники.

— Почему?

— Потому что они помнят, как ты сдавала сопромат на тройку, а теперь должна сказать им, что проект надо переделывать.

Ты смеёшься слишком громко.

Даниил смотрит.

— Не надо.

— Что?

— Вы сейчас объединитесь.

Алина:

— Уже.

Он вздыхает.

После их ухода ты неожиданно чувствуешь облегчение.

Не потому что Даниил занят.

А потому что его новая жизнь не выглядит угрозой твоей.

И твоя — его.

Вечером рассказываешь Марку.

— Она мне понравилась.

Он смотрит.

— Это хорошая новость?

— Да.

— Для кого?

— Для меня.

— Объясни.

— Я думала, что будет неприятнее.

— И?

— Почти нет.

Марк кивает.

— Рад.

Ты улыбаешься.

— Настоящее?

— Очень.

— Не скрываешь шампанское?

— Пока.

Через месяц Алина приходит в книжный клуб.

Даниил приводит.

Мира узнаёт её и сразу сажает рядом.

Тема вечера:

«Любовь как собственность: от классики до плохих сообщений в два ночи».

Соня опаздывает.

Нина приносит вино безалкогольное, потому что утром смена.

Марк приходит позже.

Алина рассматривает книги.

Берёт «Историю О».

— Я это читала в двадцать один.

— И?

Спрашивает Мира.

— В двадцать один думала: очень смело.

В тридцать думаю: где у этих людей работа?

Ты хлопаешь ладонью по столу.

— Наконец.

— Что?

— Мой человек.

Даниил:

— Я уйду.

Алина смеётся.

— Не уйдёшь.

Мира:

— Вот уже проблемы с согласием.

Все смеются.

Потом разговор, как обычно, становится серьёзнее.

Алина говорит:

— Мне вообще кажется, что «принадлежать» кому-то может быть красивым словом, пока оба понимают, что это метафора.

Марк смотрит на тебя.

Ты замечаешь.

— А когда перестаёт быть метафорой?

Спрашивает Нина.

Ты отвечаешь:

— Когда из слова начинают выводить права.

— Какие?

— Право решать.

Право проверять телефон.

Право требовать доступ.

Право считать, что любовь должна отменить отказ.

Соня как раз входит.

— Я опоздала к главной теме.

Мира:

— Садись. Тут уже права собственности обсуждают.

Соня снимает пальто.

— На людей?

— Да.

— Незаконно.

— Спасибо, психолог.

Марк улыбается.

Даниил сидит рядом с Алиной.

Она кладёт руку ему на плечо, не задумываясь.

Даниил накрывает её пальцы своими.

Ты видишь.

Тело почти не реагирует.

Только тепло.

Немного ностальгии.

Вот и всё.

Марк видит, что ты смотришь.

Но не говорит.

За это любишь его ещё чуть сильнее.

Позже, дома, сам спрашивает:

— Было больно?

Ты понимаешь, о чём.

— Немного странно.

— Ревность?

— Нет.

— Скорее прощание.

— С ним?

— С версией себя рядом с ним.

Марк кивает.

— Теперь понимаю.

— Из-за Евы?

— Да.

Вы лежите рядом.

Тихо.

Потом Марк говорит:

— Странно, что иногда для того, чтобы полностью выбрать человека, надо сначала оплакать тех, кого не выбрал.

Ты думаешь.

— Да.

— Это звучит ужасно неромантично.

— Поэтому в книгах обычно не пишут.

— В каких?

Ты улыбаешься.

— В эротических особенно.

— Там все слишком заняты.

— Чем?

Он смотрит.

— Свободным временем.
Ты начинаешь смеяться.

Настоящий кризис с Даниилом случается через два месяца.

Не из-за грубости.

Не скидки.

Не расписания.

Пациента.

Мужчина, которого Даниил имплантировал, возвращается на контроль.

Всё хорошо.

Очень доволен.

На ресепшне спрашивает:

— Доктор, вы где ещё принимаете?

Катя слышит.

Даниил отвечает:

— Пока только здесь и в старой клинике.

Обычный ответ.

Потом пациент:

— Мне далеко сюда ездить.

А в старой ближе.

Даниил:

— Можете записываться туда, если удобнее.

Тоже нормально.

Проблема начинается через неделю.

Катя замечает, что ещё два пациента, записанные к Даниилу здесь, отменили.

— Причина?

Спрашиваешь.

— Сказали, будут лечиться у него в другом месте.

Совпадение возможно.

Ты не делаешь выводов.

Потом третий.

Нина:

— Странно.

Ты:

— Пока нет.

Четвёртый приходит сам на терапию.

Говорит:

— А Даниил Сергеевич теперь все операции в другой клинике делает?

Ты замираешь.

— Почему вы так решили?

— Он сказал, там оборудование лучше для сложных случаев.

Не обвинение.

Факт, который надо проверить.

Вызываешь Даниила после смены.

— Ты переводишь пациентов?

Он сразу напрягается.

— Нет.

— Четыре человека ушли к тебе в старую клинику.

— Они сами выбирают.

— Одному ты сказал, что там оборудование лучше.

— Для его случая — да.

— Почему не обсудил со мной?

— Что обсудить?

— Что в моей клинике ты рекомендуешь пациентам лечиться в другой клинике, где тоже работаешь.

— Если там реально есть то, чего у тебя нет?

У тебя.

Не у нас.

Хорошо.

Но ситуация хуже.

— Что именно?

Он называет навигационную систему для сложной имплантации, которой у тебя действительно нет.

— Этот пациент нуждался в ней?

— Я считаю, да.

— Тогда медицински правильно.

— Спасибо.

— Не спеши.

— Почему остальные трое ушли?

Даниил молчит.

— Не знаю.

— Настоящее?

— Двое спрашивали, где ещё принимаю.

— И?

— Я сказал.

— Предлагал перейти?

— Нет.

Ты смотришь.

Не уверена.

Он замечает.

— Ты мне не веришь.

— Я проверяю конфликт интересов.

— Это уже смешно.

— Нет.

Совсем.

— Я работаю в двух местах.

Это нормально.

— Да.

— Пациенты имеют право выбирать.

— Да.

— Тогда?

— Тогда ты не имеешь права использовать мою клинику как точку привлечения пациентов в другую.

Он резко:

— Я не использую.

— Хорошо.

— Тогда нам нужны правила.

Его лицо меняется.

— Опять.

— Да. Опять.

— Ты на всё создаёшь правило.

— Потому что у нас возник конфликт интересов.

— Нет конфликта.

— Есть.

Ты остаёшься спокойной.

— Если здесь нет оборудования, которое медицински нужно, направляем туда, где оно есть.

Документируем причину.

Пациент выбирает.

Если просто удобнее по району — мы не препятствуем.

Но ты не рекламируешь другое место в моём кабинете.

— Я не рекламирую.

— Тогда правило ничего тебе не изменит.

Он молчит.

И вот по молчанию понимаешь:

изменит.

— Даниил.

— Что?

— Было что-то ещё?

Он отводит взгляд.

— Один раз.

— Что?

— Пациент спросил про цену импланта.

В старой клинике акция.

— И?

— Я сказал.

Ты закрываешь глаза.

— То есть здесь, на моей консультации, ты сказал пациенту, что в другой клинике у него будет дешевле.

— Он спросил.

— Ты мог сказать, что работаешь ещё в одном месте и он может сам сравнить цены.

— Какая разница?

— Огромная.

— Для кого?

— Для клиники, которая оплачивает помещение, ассистента, администратора, рекламу и время консультации, после которой ты отправляешь пациента туда, где тебе тоже платят.

Тишина.

— Я не думал об этом так.

— А надо было.

Даниил раздражается.

— Ты сейчас звучишь как корпорация.

Фраза.

Раньше задела бы.

Сегодня нет.

— Я сейчас и есть бизнес.

Говоришь.

— Маленький.

Но настоящий.

Он молчит.

— И знаешь, что ещё?

— Что?

— Я устала каждый раз объяснять тебе, что твои намерения не отменяют последствий.

Даниил напрягается.

— Я не крал пациентов.

— Я не говорю «крал».

— Звучит именно так.

— Я говорю, что ты не видишь границу между «я хороший врач и хочу дать пациенту вариант» и «я использую отношения, доверие и инфраструктуру одного места в пользу другого».

— Это абсурд.

— Нет.

— Это конфликт интересов.

Он встаёт.

— Тогда увольняй.

Не ожидала.

Ты молчишь.

Даниил сам удивлён собственным словам.

Но уже сказал.

— Ты этого хочешь?

Спрашиваешь.

— Я не хочу работать там, где мне каждый шаг считают потенциальным нарушением.

— Это не каждый шаг.

— Для меня уже каждый.

Теперь честно.

— Тогда, возможно, нам действительно надо закончить.

Лицо меняется.

— Ты серьёзно.

— Да.

— Вот так?

Ты чувствуешь старую боль.

После всего?

Теперь уже у него.

— Не «вот так».

— После нескольких разговоров.

Официального предупреждения.

Повторяющихся конфликтов.

И сейчас — реального конфликта интересов.

Даниил молчит.

Ты продолжаешь:

— Ты хороший врач.

Очень.

И ты много изменил.

Но здесь всё время борешься с тем, что не являешься особенным.

Фраза жестокая.

Он бледнеет.

— Не в медицине.

В системе.

— Ты хочешь, чтобы наша история означала больше свободы для тебя.

А я не могу так строить клинику.

Тишина.

Даниил садится обратно.

Уже без злости.

— Возможно.

Ты не ожидала.

— Что?

— Возможно, ты права.

— Когда ты меня наняла, я правда думал, что у нас будет другой уровень доверия.

— Был.

— В этом и проблема.

Он усмехается печально.

— Я принимал его за полномочия.

Очень точная фраза.

Вы молчите.

Потом он спрашивает:

— Когда?

Ты понимаешь.

— Можем нормально передать пациентов за месяц.

— Хорошо.

— Новых хирургических случаев с долгим продолжением не берём без обсуждения.

— Хорошо.

— Существующих доводишь.

— Конечно.

— Я сам объясню команде.

— Без подробностей личного.

— Разумеется.

Он встаёт.

У двери останавливается.

— Знаешь, что самое мерзкое?

— Что?

— Я правда хотел, чтобы это место было немного моим.

Ты молчишь.

Он улыбается грустно.

— Не доля.

Не деньги.

Просто...

— Чтобы в твоей жизни было что-то, где я незаменим.

Точно.

И почти больно.

— Даниил.

— Я знаю.

— Ты не должен быть незаменимым, чтобы иметь значение.

Он смотрит.

Долго.

— Вот это терапевту и скажу.

Ты улыбаешься.

— Бесплатно.

— Наконец хоть какая-то выгода.

И уходит.

Команде говорит сам.

Коротко.

— Я ухожу через месяц.

Нина сразу:

— Почему?

Даниил смотрит на тебя.

Потом на неё.

— Потому что совмещать работу здесь и в другом месте оказалось сложнее, чем я думал.

Катя:

— Вы поссорились?

Даниил:

— Мы профессионально не совпали в нескольких важных вопросах.

Хорошо.

Нина смотрит на тебя.

Ты не добавляешь.

Новая ассистентка расстроена.

Пациенты тоже будут.

Финансово это удар.

Нужен новый хирург.

Снова поиск.

Снова собеседования.

Снова риск.

Но внутри неожиданно спокойно.

Грустно.

Но спокойно.

Вот как ощущается решение, которое давно зрело.

Марк узнаёт вечером.

Ты рассказываешь всё.

Он слушает.

Очень долго не говорит.

— Ну?

Спрашиваешь.

— Я подбираю безопасную реакцию.

— Не надо безопасную.

Настоящую.

— Ладно.

— Первая часть меня невероятно довольна.

Ты закатываешь глаза.

— Вторая?

— Считает, что для твоей клиники это проблема.

— Да.

— Третья...

— Сколько у тебя частей?

— Сегодня много.

Ты улыбаешься.

— Третья думает, что ты слишком долго ждала.

— Возможно.

— Четвёртая рада, что не я попросил тебя его уволить.

Ты тоже.

— Если бы попросил тогда, я бы, возможно, оставила его
дольше назло.

Марк смотрит.

— Я знаю.

— Ужасно.

— Очень.

Потом становится серьёзнее.

— Тебе больно?

— Да.

— Из-за клиники?

— И из-за него.

— Хочешь, чтобы я ревновал?

Ты удивляешься.

— Что?

— Не знаю.

Иногда кажется, что если я ревную, тебе проще признать,
что он тебе важен.

Ты думаешь.

— Не надо.

— Хорошо.

— Он был мне важен.

Есть.

И, наверное, будет.

— Просто не так, как хотел он.

Марк кивает.

— Понимаю.

— И не так, как боялся ты.

— Это особенно приятно.

Ты толкаешь его плечом.

Он обнимает.

— Скучать будешь?

— Да.

— По нему?

— По тому, что мы хорошо работали вместе, когда не во-
евали.

По его кофе.

По тому, что он понимает стоматологические шутки.

По старой версии себя, наверное.

Марк молчит.

Потом:

— Можно одну эгоистичную вещь?

— Одну.

— Я рад, что место, где ты строишь свою жизнь, больше
не будет для него способом оставаться внутри неё.

Ты не отвечаешь сразу.

Потому что фраза ревнивая.

Но не управляющая.

Он просто говорит о своём чувстве.

— Можешь быть рад.

Говоришь.

— Спасибо.

— Но нового хирурга выбираю я.

— Я даже рта не открыл.

— На всякий случай.

— Невыносимо.

В последний день Даниил приносит две вещи.
Кофе.

И маленькую коробку.

— Что это?

— Не кольцо.

— Очень смешно.

— Открой.

Внутри металлическая табличка.
Небольшая.

На ней выгравировано:

«Желание не договор».

Ты смотришь.

Потом на него.

— Ты идиот.

— Да.

— Это нельзя вешать в стоматологии.

— Почему?

— Пациенты неправильно поймут.

Он смеётся.

— Тогда в кабинет.

— Тоже.

— Спасибо.

Даниил становится серьёзным.

— Это правда мне помогло.

— Что?

— Понять, что хотеть тебя — не значит иметь право строить вокруг этого жизнь, в которой ты обязана участвовать.

— И что хотеть место рядом с тобой не значит иметь на него право.

Ты чувствуешь слёзы.

Очень не вовремя.

— Мы сейчас будем плакать?

— Я нет.

У него тоже глаза другие.

— Конечно.

Даниил протягивает руку.

Ты смотришь.

Потом обнимаешь.

Коротко.

Не эротично.

Не обещание.

Просто прощание с большим куском жизни.

Он отходит первым.

— Алина ждёт внизу.

Ты улыбаешься.

— Хорошо.

— Настоящее?

— Да.

На этот раз полностью.

Он идёт к двери.

Оборачивается.

— И если понадобится хирург...

Ты поднимаешь бровь.

Даниил начинает смеяться.

— Шучу.

— Уходи.

— Всё.

Уходит.

Ты остаёшься с кофе и табличкой.

В кабинете становится непривычно тихо.

Через несколько минут приходит Нина.

Видит коробку.

Читает.

— Это ещё что?

— Длинная история.

— Повесим?

Ты думаешь.

— В комнате персонала.

— Почему там?

— Полезно всем.

Нина кивает.

На следующий день табличка действительно висит там.

Под расписанием.

Между инструкцией по стерилизации и списком расходников.

Очень романтично.

Очень по-взрослому.

И, пожалуй, именно там ей место.

Глава четвёртая

Теперь отвечаешь ты

После ухода Даниила первый понедельник кажется неправильным.

Не плохим.

Именно неправильным.

В десять пятнадцать ты автоматически смотришь на дверь второго кабинета, потому что обычно в это время он выходил после первой хирургии.

Дверь открыта.

Кресло пустое.

Ассистентка проверяет запасы.

Никакого кофе на краю твоего стола.

Никакого:

— У тебя есть минута?

Никакого раздражения от того, что «минута» обычно превращалась в пятнадцать.

Нина замечает.

Конечно.

— Скучаешь?

Ты поднимаешь глаза.

— По хирургу.

— Конечно.

— По загруженному второму кабинету.

— Разумеется.

— По выручке.

— Очень романтично.

Ты показываешь ей дверь.

— Работай.

— Уже.

Она уходит довольная.

Ты снова смотришь в расписание.

Есть два кандидата.

Один опытнее.

Мужчина сорока двух лет.

Хорошая репутация.

Работал в нескольких крупных клиниках.

На собеседовании понравился до момента, когда сказал:

— Администраторы у меня быстро учатся, как правильно ставить хирургических пациентов.

У тебя внутри что-то сразу:

нет.

Не потому что нельзя объяснить администратору особенности хирургического расписания.

Потому что в слове «у **меня**» уже слышалась маленькая отдельная республика.

Второй кандидат моложе.

Тридцать один.

Спокойный.

Не такой харизматичный.

На вопрос, что делает при конфликте с ассистентом, ответил:

— Смотря из-за чего конфликт.

Очень неэффектно.

Ты ждала красивой речи про команду.

Он подумал и добавил:

— Если ошибся я — извиняюсь. Если ассистент — сначала решаем проблему, потом обсуждаем. Если пациент рядом, стараюсь вообще не выяснять отношения.

Нормально.

Потом спросил:

— Кто определяет скидки?

Ты чуть не рассмеялась.

— Я.

— Хорошо.

— Почему спрашиваете?

— В прошлой клинике у врачей были личные договорённости, потом администраторы не понимали, кому что можно.

Травма системы.

Полезная.

Его зовут Антон.

Ты предлагаешь ему два пробных дня.

Не потому что он «замена Даниилу».

Никто не обязан заменять человека целиком.

Только функцию.

Это новое понимание.

Антон выходит во вторник.

Первого пациента принимает на пять минут позже.

Тебя это раздражает.

Потом выясняется, что он просто заранее читал историю

и снимки.

Вторую консультацию заканчивает раньше.

Третью — ровно.

Нина после обеда приходит к тебе.

— Скучный.

Ты поднимаешь глаза.

— И?

— Ничего.

— Это плюс или минус?

— Пока не знаю.

— Как работает?

— Хорошо.

— С ассистентом?

— Нормально.

— С пациентами?

— Хорошо.

— Тогда что тебе не нравится?

Нина думает.

— Не шутит.

— Мы нанимаем хирурга или ведущего корпоратива?

— Я просто привыкла.

Не только ты.

Привычка к Даниилу сидит в клинике маленькими следами.

В шутках.

Кофе.

Темпе.

Манере быстро заходить в комнату.

Люди оставляют после себя ритм.

Даже когда уходят правильно.

Ты говоришь:

— Не сравнивай.

Нина усмехается.

— Ты себе тоже скажи.

Попала.

— Уходи.

— Уже.

К концу второго пробного дня Антон спрашивает:

— Если вам подходит, я готов брать два дня.

Ты специально ждёшь до вечера.

Не отвечаешь из облегчения.

Смотришь обратную связь.

Пациенты довольны.

Ассистентка спокойно:

— С ним удобно.

Катя:

— Ничего не менял в расписании.

Ты:

— Это уже критерий?

Она улыбается.

— После прошлого опыта — да.

Подписываете договор на три месяца.

Испытательный срок.

Смешно.

Кажется, теперь всё в твоей жизни проходит испытатель-
ный срок.

Сотрудники.

Системы.

Отношения.

Ты сама.

Наверное, иначе невозможно.

Через две недели приходит пациентка, после которой ты
перестаёшь думать о Данииле на работе совсем.

Ей тридцать восемь.

Пришла с болью после лечения в другой клинике.

Сложный зуб.

Перелечивание каналов.

На снимке ситуация неприятная, но не безнадёжная.

Ты объясняешь варианты.

Перелечивание.

Наблюдение при определённых условиях.

Удаление с последующим восстановлением.

Пациентка спрашивает:

— А вы бы себе что сделали?

Ненавидишь этот вопрос.

Не потому что плохой.

Потому что человек хочет снять с себя часть решения.

Ты отвечаешь:

— Я могу сказать, какой вариант считаю медицински предпочтительным.

Но решение всё равно зависит от того, насколько для вас важно сохранить зуб, сколько времени и денег вы готовы вложить и какой риск повторного лечения готовы принять.

Она вздыхает.

— Я хочу сохранить.

— Тогда попробуем.

Ты документируешь разговор.

Подробно.

Но не тревожно.

Уже умеешь.

Лечение идёт сложно.

Первый этап — нормально.

Второй — тоже.

Через несколько дней пациентка звонит с выраженной болью и отёком.

Ты принимаешь в тот же день.

Осматриваешь.

Делаешь снимок.

Картина хуже, чем ожидала.

Нужна срочная хирургическая оценка.

Антон в клинике.

Ты зовёшь.

Он смотрит.

— Я бы не тянул.

Пациентка слышит.

— Что значит?

Ты садишься рядом.

— Значит, сейчас сохранение зуба стало менее прогнозируемым, чем в начале.

— То есть всё зря?

Вот вопрос.

Ненавидишь.

Потому что честный ответ сложнее да или нет.

— Нет.

На момент решения попытка сохранить зуб была обоснованной.

— Но сейчас появились новые данные.

Она смотрит.

— Вы ошиблись?

Когда-то этот вопрос уничтожил бы тебя внутри.

Сегодня тоже неприятно.

Но ты остаёшься врачом.

— Я не вижу признаков того, что первоначальная тактика была неправильной.

Но лечение не дало результата, на который мы рассчитывали.

— Это не одно и то же?

— Не всегда.

Она начинает плакать.

Не громко.

— Я столько заплатила.

— Я знаю.

— И теперь ещё удалять.

— Возможно, да.

— «Возможно»?

Антон спокойно:

— Нам нужно оценить возможность хирургического лечения. Но если говорить честно, прогноз сохранения сейчас плохой.

Она закрывает лицо.

Ты чувствуешь вину.

Даже зная всё.

Вина не спрашивает документы.

— Давайте сегодня не будем принимать решение за пять минут.

Говоришь.

— Мы снимем острое состояние, если возможно, и я дам вам все варианты письменно.

— А деньги?

Вот уже другое.

— По финансовой части я посмотрю, что мы можем сделать.

Ты останавливаешься.

Мы можем сделать.

Ты.

Клиника.

Твоя.

Теперь никто сверху не решит компенсацию.

Нет главного врача.

Юриста сети.

Финансового отдела.

Есть ты.

Нина.

Бухгалтер.

И счёт.

Пациентка уходит после помощи и плана.

Ты закрываешь дверь кабинета.

Антон остаётся.

— Ты как?

Первый раз он говорит тебе «ты» после недели на «вы».

Ты даже не замечаешь переход.

— Нормально.

— Врёшь.

— Немного.

Он смотрит снимок ещё раз.

— Тактика была нормальная.

— Я знаю.

— Документация хорошая.

— Знаю.

— Тогда?

Ты садишься.

— Это моя клиника.

Антон не понимает.

— И?

— Раньше, если был плохой исход, я отвечала как врач.

— Теперь ещё как человек, который должен решить, что делать с деньгами, жалобой, репутацией, сотрудниками и возможным возвратом.

Он кивает.

— Да.

Очень полезно.

— Спасибо.

— Я могу написать хирургическое заключение.

Ты смотришь.

— Да.

— Сам?

— Конечно.

— Не потому что я думаю, что ты ошиблась.

— Знаю.

— Просто чтобы была независимая запись второго врача.

Вот хороший специалист.

Не герой.

Не мужчина, который хочет защитить тебя.

Коллега.

— Сделай.

— Хорошо.

И уходит.

Никакой драматической поддержки.

Очень ценная форма участия.

Пациентка пишет жалобу через два дня.

Не публичную.

Пока.

На почту клиники.

Требуется вернуть всю сумму за лечение и оплатить удаление с имплантацией.

Нина приносит распечатку.

— Что делаем?

Вот момент.

Ты раньше могла пойти к главному врачу.

Теперь главный — ты.

— Сначала поднимаем всю карту.

— Уже.

— Финансовые документы.

— Есть.

— Согласия.

— Здесь.

Катя подходит.

— Она звонила утром.

— Что сказала?

— Что не хочет «воевны», но считает несправедливым снова платить.

Человечески понятно.

Ты тоже считаешь, что ситуация для неё ужасная.

Но вся сумма плюс имплантация — большая.

И признание ответственности может иметь последствия.

Ты чувствуешь первое желание позвонить Марку.

Не потому что он стоматолог.

Потому что у него юристы.

Потому что он умеет кризисы.

Потому что рядом с ним можно на секунду перестать быть самым старшим человеком в комнате.

Вот соблазн помощи.

Ты берёшь телефон.

Останавливаешься.

Сначала свой юрист.

У клиники есть внешний медицинский юрист по договору.

Небольшая фирма.

Не группа Марка.

Звонишь.

Отправляешь документы.

Он обещает посмотреть к вечеру.

Потом звонишь бухгалтеру.

Считаете варианты:

полный возврат;

частичный;

бесплатное удаление;

компенсация хирургического этапа;

скидка на последующее восстановление;

ничего.

Каждый вариант имеет цену.

Не только денежную.

К шести юрист звонит.

— По документам признания врачебной ошибки я не вижу.

— А коммуникационная проблема?

— Тоже не очевидная.

Согласие у вас нормальное.

Риски отражены.

Записи подробные.

— Тогда отказывать?

— Это уже не юридический вопрос.

Любимый тип ответа специалистов.

Юридически можете. Решайте сами.

Ты смеёшься без радости.

— Спасибо.

— Могу помочь составить ответ.

— Нужно.

— И я бы предложил консультацию независимого эндодонтиста, если пациентка согласится.

— За наш счёт?

— Я бы да.

Ты думаешь.

Это разумно.

Не признание вины.

Способ проверить себя.

— Хорошо.

После звонка сидишь одна.

Клиника почти пустая.

Нина собирается уходить.

— Ты домой?

— Скоро.

— Марку скажешь?

Ты поднимаешь взгляд.

— Почему все думают, что Марк — чрезвычайное ведомство?

— Потому что у него лицо такое.

Ты смеёшься.

— Иди.

— Точно?

— Да.

Она уходит.

Ты всё-таки пишешь Марку:

«У меня первый серьёзный конфликт как у владельца».

Ответ:

«Хочешь, я позвоню?»

«Да».

Он звонит почти сразу.

— Что случилось?

Рассказываешь.

Полностью.

Без драматизации.

В конце Марк спрашивает:

— Что тебе от меня нужно?

Фраза.

Простая.

Но ты помнишь, сколько времени понадобилось, чтобы она стала его первым вопросом, а не третьим.

Ты думаешь.

— Не решение.

— Хорошо.

— И не твои юристы.

Небольшая пауза.

— Хорошо.

— У тебя есть контакт действительно хорошего юриста именно по медицинским спорам?

— Есть.

— Просто контакт.

— Да.

— Без звонка ему заранее.

Марк молчит секунду.

— Да.

— И больше ничего.

— Хорошо.

Через минуту приходит имя и номер.

Без сообщения:

«Я предупредил».

Без:

«Он ждёт».

Просто контакт.

Ты улыбаешься.

— Спасибо.

Марк спрашивает:

— А теперь можно как мужчина, который тебя любит, а не как справочник юристов?

— Можно.

— Ты не обязана сейчас знать идеальный ответ.

Тишина.

— Я знаю.

— Нет.

Ты хочешь сразу спорить.

Он продолжает:

— Ты знаешь это про медицину.

Но мне кажется, ещё не знаешь про бизнес.

Попал.

Ты закрываешь глаза.

— Возможно.

— Ты ищешь решение, после которого никто не будет несчастен.

— Пациентке больно.

— Да.

— Она потратила деньги.

— Да.

— И ей теперь, возможно, удалять зуб.

— Да.

— Тогда почему...

— Потому что хороший бизнес-ответ тоже может быть плохим для одного человека.

— Как и хороший клинический.

Снова тот же урок.

Только дороже.

— Я ненавижу тебя.

— Иногда.

— Очень сегодня.

— Тогда я полезен.

Независимый специалист осматривает пациентку через три дня.

Ты не присутствуешь.

Специально.

Не хочешь влиять.

Заключение приходит вечером.

Первоначальная тактика признана обоснованной.

Технических нарушений не выявлено.

Но сохранение зуба сейчас действительно малоперспек-

тивно.

Рекомендуется удаление.

Ты читаешь три раза.

Облегчение есть.

И стыд за облегчение.

Потому что пациентке от этого не лучше.

Назначаете встречу.

Она приходит с мужем.

Муж сразу жёсткий.

— То есть вы хотите сказать, что ни в чём не виноваты?

Ты отвечаешь:

— Я хочу сказать точнее.

— Решение пытаться сохранить зуб было медицински допустимым.

Лечение выполнено по плану.

Но результата, который мы хотели получить, нет.

— Значит, просто не повезло?

Он произносит это почти с презрением.

— Иногда в медицине бывает и так.

— Удобно.

Пациентка тихо:

— Перестань.

Он замолкает.

Она смотрит на тебя.

— Что вы предлагаете?

Твой ответ.

Не сети.

Не юриста.

Твой.

— Мы вернём стоимость последнего этапа лечения.

Не всего курса.

— Удаление в нашей клинике, если вы выберете нас, будет бесплатно.

Если захотите другого хирурга — компенсируем сумму в пределах нашей обычной стоимости этой процедуры.

Муж уже:

— А имплант?

— Не бесплатно.

Он раздражается.

Ты продолжаешь:

— Но мы дадим существенную скидку на хирургический и ортопедический этап, если вы решите восстанавливаться у нас.

— Почему не бесплатно?

Тяжёлый вопрос.

— Потому что я не считаю, что мы обязаны признать всё последующее лечение нашей ошибкой.

— Но считаю справедливым разделить с вами часть финансовых последствий плохого результата.

Тишина.

Пациентка смотрит долго.

— То есть вы не признаёте ошибку.

— Нет.

— Но возвращаете часть денег.

— Да.

— Почему?

— Потому что медицина и справедливость не всегда полностью совпадают с юридической ответственностью.

Муж почти смеётся.

— Красиво.

Ты смотришь.

— Я стараюсь говорить понятно, а не красиво.

Пациентка вдруг улыбается.

Очень слабо.

Первый раз.

Она просит подумать.

Конечно.

Через два дня соглашается.

Удаление делает Антон.

Не ты.

Правильно.

Заживление идёт нормально.

Через месяц она приходит к тебе на осмотр соседнего зу-

ба.

Ты удивляешься.

— Вы вернулись.

Она пожимает плечами.

— Я вам всё ещё немного зла.

Честно.

Ты улыбаешься.

— Можно.

— Но хотя бы не ввали.

Иногда это максимум.

Не благодарность.

Не идеальная лояльность.

Пациент может остаться немного злым.

И всё равно доверить тебе следующий зуб.

Возможно, зрелые отношения с пациентами тоже не обязаны быть чистыми.

После этого случая ты меняешь в клинике две вещи.

Первое — создаёшь резерв на компенсации и конфликтные случаи.

Отдельный.

Не огромный.

Но ежемесячный.

Второе — вводишь разбор плохих исходов раз в месяц.

Не жалоб.

Именно исходов.

Даже если никто не жаловался.

На первом собираются все врачи.

Антон приносит случай, где имплант не прижился.

Терапевт — повторную реставрацию.

Ты — ту самую пациентку.

Катя спрашивает:

— А зачем обсуждать, если ошибки не было?

Ты отвечаешь:

— Потому что отсутствие ошибки не означает отсутствие урока.

Даниил когда-то сказал бы хорошую фразу.

Ты замечаешь, что думаешь о нём.

Не болезненно.

Просто привычка.

Идёшь дальше.

Отец звонит вечером.

— Я нашёл, от чего ключ.

Ты не сразу понимаешь.

— Какой?

— Тот, что из коробки брата.

Сердце останавливается на секунду.

Ты давно не думала о нём.

Ключ лежал в верхнем ящике комода.

Иногда перекладывала.

Не выбрасывала.

— Откуда знаешь?

— Нашёл старый договор.

— Какой?

— Гараж.

Ты садишься.

— У него был гараж?

— Не его.

Арендовал бокс вместе с другом.

— Зачем?

Отец молчит.

— Пап.

— Они машину там делали.

Брат.

Машина.

Сразу боль.

— Ты?

— Нет.

Отец отвечает быстро.

— Другую.

Старую.

Хотели восстановить.

Ты почти смеёшься.

— Он никогда не говорил.

— Тебе было пятнадцать.

— И?

— У него вообще много было жизни, о которой ты не зна-

ла.

Фраза.

Очень простая.

Почему-то режет.

После смерти человек легко превращается в семейный символ.

Старший брат.

Погибший сын.

Причина родительской боли.

Фотография.

Коробки.

А он ещё был двадцатилетним человеком, который тайно возился со старой машиной в арендованном гараже.

— Гараж ещё есть?

— Не знаю.

Договор старый.

Я позвонил номеру — уже другой человек.

Но адрес тот же.

— Поедем?

Отец молчит.

— Если хочешь.

Ты хочешь.

И боишься.

— В субботу.

— Хорошо.

Марк спрашивает вечером:

— Хочешь, чтобы я поехал?

Ты рассказала ему про ключ.

Не потому что нужен.

Потому что теперь хорошие и страшные новости снова естественно хочется рассказывать.

— Нет.

— Хорошо.

— Это семейное.

— Понимаю.

— Но вечером можешь приехать.

— Приеду.

Раньше подобная просьба могла показаться зависимостью.

Теперь просто план.

В субботу вы с отцом едете вдвоём.

Мать не хочет.

Говорит:

— Я не готова искать новые вещи.

Никто не уговаривает.

Это тоже изменение.

Адрес на окраине.

Ряд старых гаражных боксов.

Часть снесена.

Часть переделана под склады.

Нужный номер существует.

Дверь другая.

Ключ, конечно, не подходит.

Ты смеёшься.

Отец тоже.

— Символизм не удался.

— К счастью.

Находите владельца через охранника.

Объясняете.

Старый договор.

Имя брата.

Друг.

Владелец пожимает плечами.

— Этот бокс давно перепродавался.

Внутри ничего старого нет.

Пусто.

Полки.

Инструменты нынешнего арендатора.

Вот и всё.

Ты ожидала находку.

Коробку.

Записку.

Фотографии.

Может быть, деталь машины.

Ничего.

Ключ открывал дверь, которой больше нет.

Вы стоите снаружи.

Отец смотрит на металлическую створку.

— Зря приехали.

Ты поворачиваешься.

— Нет.

— Тут ничего нет.

— Зато теперь знаем.

Он кивает.

Потом неожиданно смеётся.

— Они хотели собрать старую «Волгу».

Ты смотришь.

— Что?

— Друг его откуда-то достал кузов.

Они думали восстановить.

— Зачем?

— Потому что идиоты.

Ты начинаешь смеяться.

Отец тоже.

— Он тебе говорил?

— Один раз.

Я сказал: «Сначала нормальную работу найди».

Улыбка исчезает.

— Чёрт.

Вот вина уже пытается переписать даже это.

— Пап.

— Что?

— Не делай.

Он смотрит.

Ты понимаешь, что сказала тем же тоном, каким когда-то останавливала Марка.

— Чего?

— Не превращай даже «Волгу» в ещё один повод быть виноватым.

Отец молчит.

— Ты был отцом.

Конечно, сказал найти работу.

— Мог поддержать.

— Мог.

— И что?

Он смотрит на гаражи.

— Ничего.

— Именно.

Не всё, что можно было сделать иначе, становится причиной смерти человека.

Это самый тяжёлый урок вашей семьи.

Отец кивает.

Долго.

Потом спрашивает:

— Ключ выбросишь?

Ты достаёшь его.

Старый.

Маленький.

Бесполезный.

Смотришь.

— Нет.

— Зачем?

Думаешь.

— Пусть будет.

Но теперь он уже ничего не требует.

Ни найти дверь.

Ни открыть прошлое.

Просто кусочек жизни брата.

Где он был не погибшим.

А парнем, который собирался зачем-то восстановить старую машину.

Это намного больше.

Вечером Марк приезжает с едой.

Не спрашивает о гараже сразу.

Ждёт.

Ты рассказываешь сама.

Про пустой бокс.

Про «Волгу».

Про отца.

Про ключ.

Марк слушает.

Потом:

— Покажешь?

Ты приносишь.

Кладёшь на ладонь.

Он рассматривает.

Не берёт без вопроса.

— Можно?

Ты отдаёшь.

Марк вертит.

— Старый.

— Спасибо, эксперт.

— Я стараюсь.

Потом:

— Оставишь?

— Да.

— Почему?

Ты думаешь.

— Потому что раньше он был загадкой.

Теперь — памятью.

Марк кивает.

Возвращает.

Ты кладёшь рядом с новыми ключами от клиники.

Старый.

Новый.

Ничего не символизируешь специально.

Именно поэтому символ получается сам.

Позже лежите в постели.

Не спите.

Марк проводит пальцами по твоей руке.

Ты рассказываешь про пациентку.

Он уже знает итог.

Но не детали разговора.

— Она вернулась?

— Да.

— После всего?

— Да.

— Значит, доверяет.

— Немного.

Ты улыбаешься.

— Она всё ещё на меня зла.

— Одно другому не мешает.

Ты поворачиваешь голову.

— Это вообще, похоже, основная тема взрослой жизни.

— Что?

— Можно любить и злиться.

Доверять и сомневаться.

Хотеть человека и не выбирать.

Выбирать и всё равно иногда хотеть другого.

Быть благодарным сотруднику и позволить ему уйти.

Марк тихо:

— Можно хотеть защитить и не решать.

Ты смотришь.

— Да.

Он улыбается.

— Я тоже выучил часть программы.

— Пока зачёт.

— А экзамен?

— Всю жизнь.

— Очень плохая система образования.

Ты смеёшься.

Потом Марк говорит:

— Я хочу спросить про квартиру.

Ты напрягаешься совсем немного.

— Какую?

— Новую.

Ту, о которой мы говорили.

Он выдержал.

Не искал?

Ты не знаешь.

Но вопрос сейчас.

— Что именно?

— Ты всё ещё хочешь когда-нибудь посмотреть что-то вместе?

Ты думаешь.

Не о переезде.

О глаголе.

Посмотреть.

Не купить.

Не найти.

Не оформить.

— Да.

Марк очень спокойно:

— Тогда когда будешь готова, скажи.

И всё.

Ты ждёшь продолжения.

Ничего.

— Ты уже что-то нашёл?

Он смотрит в потолок.

Пауза слишком подозрительная.

— Марк.

— Теоретически.

Ты поднимаешься на локте.

— Что значит теоретически?

— Я профессионально знаю рынок.

— Ты смотрел?

Он закрывает глаза.

— Иногда объявления.

Ты начинаешь смеяться.

Не злиться.

Смеяться.

— Ты невозможный.

— Я ничего не покупал.

— Великое достижение.

— И никому не звонил.

— Герой.

— И даже не сохранял.

Ты замираешь.

— Настоящее?

— Почти.

— Марк.

— Сохранил два.

Ты бросаешь в него подушку.

Он ловит.

Смеётся.

— Это внутреннее действие!

— Ты применяешь мою философию фантазий к недвижимости?

— Именно.

Ты смеёшься ещё сильнее.

— Хорошо.

— Покажи.

Марк перестаёт смеяться.

— Что?

— Два.

— Сейчас?

— Да.

Он берёт телефон.

Очень старается не выглядеть счастливым.

Не получается.

Показывает первое.

Слишком большое.

— Нет.

— Почему?

— Я не открываю филиал семьи.

Второе меньше.

Светлое.

Новый дом.

Не его район.

Не твой.

Большая кухня.

Две рабочие комнаты.

Ты задерживаешь взгляд.

Марк ничего не говорит.

Правильно.

— Сколько?

Спрашиваешь.

Он называет.

Ты издаёшь звук.

— Нет.

— Я знал.

— Это не квартира. Это маленькое государство.

— Хороший район.

— Марк.

— Молчу.

Ты возвращаешь телефон.

— Но посмотреть можно.

Он замирает.

— Эту?

— Не покупать.

— Конечно.

— Не договариваться до меня.

— Да.

— Не торговаться.

Марк страдает.

— Это уже жестоко.

— Не торговаться.

— Хорошо.

— Просто посмотреть.

— Да.

Ты ложишься обратно.

Через минуту он спрашивает:

— В субботу?

Ты смеёшься.

— Нет.

— Почему?

— У меня книжный клуб.

Он стонет.

— Меня вытеснила эротическая литература.

— Наконец достойный конкурент.

— Что читаете?

— «Опасные связи».

Марк молчит.

Потом:

— Я передумал. Я тоже иду.

— Боишься пропустить образовательную часть?

— Хочу убедиться, что никто опять не объяснит тебе, как привлекательны манипуляторы.

Ты улыбаешься.

— Поздно.

— Почему?

Ты придвигаешься ближе.

— Я уже встречалась с одним.

Марк смотрит.

— Очень смешно.

— А потом он немного вырос.

— Немного?

— Испытательный срок ещё идёт.

Он обнимает тебя.

— Всю жизнь?

— Я предупреждала.

И, кажется, теперь ни один из вас не воспринимает это как угрозу.

Потому что остаться — не то же самое, что однажды получить право остаться навсегда.

Каждое утро человек снова немного выбирает.

Не торжественно.

Не словами.

Кофе.

Звонком.

Ненаписанным советом.

Заданным вопросом.

Способностью услышать «нет».

И иногда — двумя сохранёнными объявлениями о квартире, по которым ты пока разрешила только посмотреть.

Глава пятая

Не путай силу с правом

На просмотр квартиры вы всё-таки едете в воскресенье.
Не в субботу.

В субботу действительно книжный клуб.

«Опасные связи» оказываются плохим выбором для компании, где одновременно присутствуют:

психолог;

художница с историей отношений с женатым мужчиной;
Даниил с новой женщиной;

Марк;

и ты.

Через сорок минут Мира говорит:

— Я всё-таки люблю литературу, где люди вместо терапии пишут письма и уничтожают друг другу жизнь.

Соня:

— Это потому что у тебя художественное образование.

Даниил:

— А мне нравится эффективность.

Алина поворачивается к нему.

— Что именно?

— У них хотя бы нет пассивной агрессии в мессенджере.

Ты:

— Они отправляют письма.

— Именно. Медленнее.

Марк почти весь вечер говорит мало.

Сидит чуть в стороне.

Слушает.

Иногда ловишь его взгляд.

И каждый раз он задерживается немного дольше, чем нужно.

Не мягкий.

Не задумчивый.

Другой.

Ты уже знаешь.

После вашего разговора о фантазиях в нём появилось новое знание о тебе.

Он не использует его постоянно.

Но теперь знает, что иногда тебе нравится не его аккуратность.

Не уважительные вопросы.

Не мужчина, который останавливается на каждом повороте и проверяет границу.

Иногда хочется того, кем он был всегда под всеми слоями самоконтроля.

Сильного.

Тяжёлого.

Уверенного.

Человека, привыкшего входить в комнату и менять её

просто тем, что оказался внутри.

Это качество раньше пугало именно потому, что Марк не всегда различал присутствие и право.

Теперь различает лучше.

И от этого оно начинает нравиться тебе сильнее.

Очень неудобная эволюция.

К концу вечера Мира читает вслух фрагмент дискуссии о соблазнении как власти.

Не сам текст книги — пересказывает.

И спрашивает:

— Хорошо. Тогда вопрос к залу. Соблазнение — это вообще власть?

Соня:

— Может быть.

Катя:

— Если человек знает, что другому нравится.

Алина:

— Но власть не обязательно насилие.

Ты киваешь.

— Конечно.

Мира смотрит на тебя.

— Расшифруй.

Ты чувствуешь Марка ещё до того, как поворачиваешься.

Он смотрит.

Спокойно.

Очень внимательно.

— Если у человека есть влияние на тебя, это уже разнообразность власти.

Говоришь.

— Голос.

Красота.

Деньги.

Статус.

Опыт.

Физическая сила.

Эмоциональная близость.

Мира:

— И что, теперь всё опасно?

— Нет.

— Тогда где граница?

Ты отвечаешь:

— В том, считает ли человек влияние разрешением.

В комнате становится тише.

Соня кивает.

Марк не отводит глаз.

Ты продолжаешь:

— Можно знать, что ты действуешь на другого.

Можно даже этим пользоваться в соблазнении.

— Но нельзя из «я могу на тебя повлиять» перейти к «значит, я могу за тебя решить».

Мира:

— Это сейчас было про кого-то конкретного?

Марк:

— Не спрашивай.

Все смеются.

Ты тоже.

Но под столом чувствуешь, как его колено касается твоего.

Всего один раз.

Случайно?

Не уверена.

Он не убирает сразу.

И ты тоже.

Алина в это время спорит с Соней про манипуляцию.

Даниил что-то говорит.

Ты уже слышишь хуже.

Колено Марка касается тебя через ткань.

Тепло.

Ничего особенного.

И очень.

Он мог бы придвинуться сильнее.

Не делает.

Просто оставляет возможность заметить.

Ты поворачиваешь голову.

Марк смотрит на Миру.

Будто ничего.

Ненавидишь.

За то, что теперь сама знаешь, насколько хорошо он умеет

не двигаться.

После книжного клуба вы возвращаетесь к тебе.

В машине Марк почти не говорит.

Не холодный.

Не злой.

Собранный.

Ты смотришь на его руки на руле.

Большие.

Спокойные.

Длинные пальцы.

Костяшки.

Раньше ты иногда замечала их почти против воли.

Теперь не притворяешься, что не замечаешь.

— Что?

Спрашивает он.

Ты переводишь взгляд на дорогу.

— Ничего.

— Ты три минуты смотришь на мои руки.

— Неправда.

— Две сорок.

Ты улыбаешься.

— Следишь?

— Да.

— Сейчас можно?

Он не говорит про охрану.

Не про контроль.

Про тебя.

Про этот момент.

— Можно.

Марк снова смотрит на дорогу.

И больше ничего.

Это почему-то сильнее, чем если бы коснулся.

У дома он паркуется.

Ты уже собираешься открыть дверь.

Марк говорит:

— Подожди.

Замираешь.

Он выходит первым.

Обходит машину.

Открывает твою дверь.

Ты смеёшься.

— Серьёзно?

— Что?

— Ты решил внезапно стать героем старого романа?

— Нет.

Он протягивает руку.

— Мне просто нравится иногда делать так.

Ты берёшь.

Он помогает выйти.

Не потому что ты не способна.

Потому что хочет.

Ты оказываешься ближе, чем ожидала.

Очень близко.

Марк выше.

В пальто кажется ещё шире.

Ты чувствуешь запах.

Тот самый.

Никакая книга не объясняет, насколько глупо работает тело от знакомого запаха человека, которого уже давно знаешь.

Никакой тайны.

Никакой новизны.

И всё равно.

Он не отпускает твою руку сразу.

— Марк.

— Да?

— Ты сегодня специально.

— Что?

— Не знаю.

Он улыбается едва заметно.

— Тогда обвинение слабое.

Ты хочешь пройти.

Он отпускает.

Сразу.

И именно это снова заводит.

Потому что сила, которую человек удерживает, ощущается иначе, чем сила, которой постоянно пользуются.

В квартире ты снимаешь пальто.

Марк вешает своё.

Потом поворачивается.

Молчание затягивается.

— Что?

Спрашиваешь.

— Сегодня ты несколько раз смотрела на меня так, будто хочешь неприятностей.

Ты улыбаешься.

— Самоуверенно.

— Да.

— И что?

— Проверяю гипотезу.

Он подходит.

Медленно.

Не скрывая.

Не спрашивает каждые три секунды.

Но останавливается на расстоянии, где ты сама должна решить последний шаг.

Ты делаешь.

Подходишь ближе.

— Гипотеза верная.

Марк смотрит вниз.

На тебя.

И вот сейчас его лицо меняется.

Не тот мужчина, который обсуждает аренду.

Не тот, кто учится делегировать.

Не тот, кому ты объясняла границы столько месяцев.

Желание в нём всегда было очень физическим.

Просто он хорошо умел держать его под костюмом.

Ты поднимаешь подбородок.

— И?

Марк тихо:

— Ты уверена, что хочешь спросить?

— Да.

Он кладёт ладонь тебе на талию.

Не осторожно.

Уверенно.

Притягивает ближе.

Ты вдыхаешь.

Никакой неопределённости.

Ты сама сказала да.

Теперь он не изображает робость.

— Сегодня я весь вечер думал о том, что ты сказала.

— На книжном клубе?

— Нет.

— Тогда когда?

— Про власть.

Ты улыбаешься.

— Опасная тема.

— Очень.

Его ладонь остаётся на твоей талии.

Вторая касается подбородка.

Не больно.

Просто заставляет смотреть прямо.

Тело реагирует мгновенно.

— Ты знаешь, что иногда делаешь это специально?

Спрашивает Марк.

— Что?

— Сначала говоришь мне не контролировать тебя.

— А потом смотришь так, будто хочешь, чтобы я перестал быть осторожным.

Ты не отводишь глаз.

— Не одно и то же.

— Знаю.

Вот ответ.

Без спора.

— Тогда в чём проблема?

— Никакой.

И целует.

Не медленно.

Не проверяя.

Потому что проверка уже была.

Ты ответила.

Марк целует так, как редко позволял себе последние месяцы — с той прямой мужской уверенностью, которая не спрашивает внутри действия, потому что вопрос был до него.

Ты хватаешься за его рубашку.

Он отрывается ровно настолько, чтобы сказать:

— Если что-то не так — говоришь.

— Знаю.

— Не потом.

— Марк.

— Что?

— Замолчи.

Он смеётся.

Очень коротко.

Потом поднимает тебя.

Просто.

Будто ты почти ничего не вешишь.

У тебя вырывается звук.

— Ты что делаешь?

— Ты просила замолчать.

— Поставь.

Он сразу ставит на пол.

Мгновенно.

Ты смотришь.

Он смотрит.

Несколько секунд.

Потом ты говоришь:

— Я не сказала, что мне не понравилось.

Марк закрывает глаза.

— Ты когда-нибудь сведёшь меня с ума.

— Возможно.

— Тогда формулируй.

Ты улыбаешься.

— Ещё раз.

Теперь уже он улыбается.

Не мягко.

— Вот теперь понятно.

Поднимает снова.

Ты смеёшься.

На этот раз не протестуешь.

Обхватываешь его плечи.

Он идёт с тобой через комнату спокойно, будто это самое естественное действие в мире.

И именно здесь особенно ясно чувствуешь разницу.

Марк мужчина не потому, что может поднять тебя.

Не потому, что богаче.

Не потому, что сильнее.

А потому что ему не надо притворяться меньше, чем он есть, чтобы рядом с тобой оставалось место тебе.

Он большой.

Сильный.

Привыкший решать.

С тяжёлым характером.

С ревностью.

С телом, которое сейчас совершенно явно хочет твоё.

И всё это не требует, чтобы ты стала меньше.

Вот что изменилось.

Позже ты лежишь рядом и смеёшься.

Марк:

— Что?

— Думаю о книжном клубе.

— В такой момент?

— Очень подходящий.

Он поворачивается.

— Почему?

— В литературе всё заканчивается раньше этой части.

— Какой?

— Когда люди начинают обсуждать, куда делись носки.

Марк смотрит на пол.

Один его носок действительно неизвестно где.

— Это серьёзная проблема.

— Разрушает эротику.

— Я могу поискать голым.

Ты закрываешь лицо рукой.

— Господи.

— Что?

— Ничего.

— Ты сама хотела больше мужественности.

Ты убираешь руку.

— Я такого не говорила.

Марк улыбается.

— Но думала.

Ты шуришься.

— Уже читаешь мысли?

— Нет.

— Но иногда женщине не надо объяснять два часа, что мужчина её хочет.

Тепло снова.

Ты смотришь.

— А мужчине?

Он перестаёт улыбаться.

— Что мужчине?

— Надо объяснять?

Марк понимает.

— Иногда.

— Сейчас?

Он смотрит на тебя.

— Нет.

Ответ низкий.

Простой.

— Сейчас я очень хорошо понимаю.

И снова тишина становится другой.

Ты касаешься его плеча.

Проводишь пальцами ниже.

Марк перехватывает руку.

Не больно.

Просто держит.

— Не начинай то, что не собираешься закончить.

Ты поднимаешь брови.

— Это угроза?

— Предупреждение о моём состоянии.

Ты начинаешь смеяться.

Он тоже.

— Очень мужественно.

— Я стараюсь говорить словами.

— Прогресс.

Он отпускает руку.

Ты не убираешь.

И вторая волна близости начинается уже без разговоров
о литературе.

На следующий день просмотр квартиры.

Ты почти отменяешь.

Не из-за ночи.

Из-за усталости.

Но Марк говорит:

— Можем не ехать.

И сразу становится понятно, что хочешь.

— Поедем.

Агент встречает у нового дома.

Мужчина лет тридцати пяти.

Ухоженный.

Красивый.

Очень дорогие часы.

Он пожимает руку Марку.

Потом тебе.

Задерживает взгляд на полсекунды дольше нормы.

Ты замечаешь.

Марк тоже.

Конечно.

Агент говорит тебе:

— Если хотите, сначала покажу кухню. Обычно это главное для женщин.

Ты даже не успеваешь ответить.

Марк очень спокойно:

— Она сама скажет, что для неё главное.

Не агрессивно.

Но воздух становится другим.

Агент сразу:

— Конечно.

Ты смотришь на Марка.

Он не смотрит на тебя.

Идёт дальше.

Это тебе нравится.

Не потому что «защитил женщину».

Потому что не позволил чужому мужчине заранее определить твою роль — и не стал отвечать вместо тебя по существу.

Точный удар.

Ничего лишнего.

Квартира действительно хорошая.

Слишком хорошая.

Большая гостиная.

Окна.

Две комнаты, которые можно сделать рабочими.

Терраса.

Ты выходишь.

Смотришь вниз.

Марк остаётся внутри.

Не висит над плечом.

Агент подходит.

— Вид хороший.

— Да.

— Дом тихий. Много семей.

— Вам с мужем будет комфортно.

Ты поворачиваешься.

— Он не мой муж.

Агент:

— Простите.

— Ничего.

Марк слышит.

По лицу ничего.

Только позже, в спальне, когда агент уходит показывать гардеробную, Марк тихо:

— Это прозвучало неприятно.

Ты удивляешься.

— Что именно?

— «Он не мой муж».

— Но ты не мой муж.

— Знаю.

— Всё равно.

Ты улыбаешься.

— Хочешь им быть?

Не планировала.

Слово выходит.

Марк становится неподвижным.

Ты сама чувствуешь, что разговор внезапно перестал быть про квартиру.

— Это вопрос?

— Да.

Агент где-то в коридоре рассказывает про систему хранения.

Марк смотрит на тебя.

— Когда-нибудь?

— Да.

Он отвечает без паузы:

— Да.

Сердце.

Очень.

Но он продолжает:

— Но я не спрашиваю сейчас.

Хорошо.

— Почему?

— Потому что если я задам вопрос в квартире, которую мы смотрим для совместной жизни, ты потом будешь рассказывать всем, что я устроил операцию окружения.

Ты начинаешь смеяться.

— Это правда.

— Поэтому нет.

— Но ответ да.

Ты смотришь.

— Хорошо.

— А ты?

Теперь твоя очередь.

— Возможно.

Лицо Марка.

— Возможно?

— Да.

— Очень щедро.

— Ты спросил «когда-нибудь».

— Да.

— Тогда возможно.

Он подходит ближе.

— Можно я хотя бы расстроюсь?

— Можно.

— Я расстроен.

Ты улыбаешься.

— Мужчина должен выдерживать неопределённость.

Марк наклоняется к тебе.

Голос тише.

— Мужчина много чего должен.

— Но иногда он ещё просто хочет женщину, с которой живёт, любит и собирается стареть.

Ты перестаёшь улыбаться.

Вот это уже не игра.

— Я знаю.

— Хорошо.

Агент возвращается.

Разговор заканчивается.

Пока.

Квартира вам нравится.

Но цена нет.

Марк может купить её без особой проблемы.

Ты — нет.

Это сразу создаёт старую опасность.

В машине говоришь первой:

— Если когда-нибудь покупаем вместе, я должна владеть реальной долей.

— Конечно.

— Не символической.

— Конечно.

— Соразмерно тому, сколько вкладываю.

Марк смотрит на дорогу.

— Вот здесь будет сложно.

Ты напрягаешься.

— Почему?

— Потому что мои возможности больше.

— Знаю.

— Если делить стоимость строго по вложениям, твоя доля будет маленькой.

— Тогда квартира должна быть дешевле.

Он молчит.

— Я не хочу выбирать жильё по потолку твоего дохода.

Старый Марк.

Но честный.

— А я не хочу жить в квартире, где чувствую себя гостем, которого ты великодушно вписал в документы.

— Я бы никогда...

— Не специально.

Он замолкает.

Правильно.

Ты продолжаешь:

— Если ты платишь восемьдесят процентов, ты можешь сколько угодно говорить, что квартира наша.

В плохую ссору мои двадцать всё равно будут стоять между нами.

Марк сжимает руль.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Искать дешевле.

Ему явно не нравится.

— Насколько?

Ты называешь диапазон.

Он смеётся без радости.

— Это в два раза меньше этой.

— Да.

— И хуже район.

— Возможно.

— Меньше площадь.

— Да.

— Без террасы.

— Я переживу.

— Я нет.

Ты смеёшься.

— Вот и проверим силу любви.

Марк тоже улыбается.

Потом:

— А если я внесу больше, но доли будут равные?

Ты сразу:

— Нет.

— Почему?

— Потому что это подарок огромного размера.

— И?

— Не хочу.

— Ты принимаешь от меня подарки.

— Не недвижимость.

— Почему граница именно там?

Хороший вопрос.

Ты думаешь.

— Потому что квартира — это опора.

— Я хочу знать, что половина стен моя не потому, что ты решил дать.

А потому что я действительно её купила.

Марк молчит долго.

— Понимаю.

— Настоящее?

— Да.

— И?

— Мне не нравится.

— Можно.

— Но понимаю.

Мужская сила сейчас выглядит не как способность сказать:

я всё оплачу.

А как способность иметь деньги, которыми легко решить вопрос, и всё равно не давить ими туда, где женщина попросила оставить ей вес собственного вклада.

Это, возможно, тяжелее.

Через несколько дней с Антоном возникает ситуация, в которой ты впервые невольно сравниваешь мужчин.

Не романтически.

По реакции.

Пациент после удаления внезапно теряет сознание в коридоре.

Коротко.

Без катастрофы.

Но персонал пугается.

Антон выходит первым.

Мгновенно становится другим.

Спокойный.

Команды короткие.

— Нину сюда.

— Давление.

— Катя, освободи проход.

— Скорую пока не вызываем, я скажу.

Ты уже рядом.

Работаете вместе.

Пациент приходит в себя.

Показатели стабилизируются.

Оказывается, почти не ел, сильно боялся, встал резко.

Но наблюдаете.

Вызываете скорую всё равно из-за анамнеза.

После, когда пациента увозят для проверки, новая ассистентка плачет.

Антон садится рядом.

— Эй.

Она:

— Я думала, он...

— Я знаю.

— Я ничего не смогла.

— Ты принесла всё, что я попросил.

— Но я растерялась.

— В следующий раз растеряешься меньше.

Не говорит:

нельзя паниковать.

Не говорит:

соберись.

Просто устойчивый.

Ты смотришь.

Вот ещё одна мужская черта, которая нравится тебе гораздо сильнее грубости.

Способность в момент опасности стать спокойнее, а не громче.

Марк такой же.

Даниил тоже иногда такой в медицине.

Мужественность вообще не принадлежит одному типу характера.

Но ты всё яснее понимаешь, что лично для тебя она связана не с правом командовать.

С готовностью выдержать вес ситуации.

После скорой Антон спрашивает:

— Всё нормально?

— Да.

— У тебя?

— Да.

Он кивает.

— Тогда я допишу карту.

И идёт работать.

Нина подходит.

— Он всё ещё скучный?

Ты улыбаешься.

— Оставь человека в покое.

— То есть уже нравится.

— Как хирург.

— Конечно.

Ты смеёшься.

— Господи.

Вечером рассказываешь Марку.

Он слушает.

— И что сказал врач скорой?

— Скорее вазовагальная реакция плюс голод.

Проверяют.

— Хорошо.

Потом:

— Антон нормально сработал?

Ты улыбаешься.

— Очень.

Марк замечает улыбку.

Конечно.

— Что?

— Ничего.

— Есть.

— Ты ревнуешь?

— Нет.

— Немного.

Ты начинаешь смеяться.

— Ты даже его не видел.

— Мне достаточно услышать «очень» с таким лицом.

— Он хороший врач.

— Я рад.

— Ложь.

— Частично.

Ты подходишь.

— Марк.

— Что?

— Тебе правда нужно ревновать к каждому мужчине, которого я уважаю?

Он думает.

— Нет.

— Но иногда буду.

— Почему?

Он кладёт руки тебе на талию.

— Потому что я мужчина, который любит конкретную

женщину.

— И мне не всегда нравится, когда она смотрит на другого мужчину с восхищением.

Прямо.

Без философии.

Без стыда за чувство.

Тебе это нравится.

— И что будешь делать?

— Сейчас?

— Да.

Марк смотрит на тебя.

— Ничего запрещать.

— Но напомнить тебе, что дома тоже есть мужчина.

Тепло идёт вниз мгновенно.

— Самоуверенно.

— Да.

Он притягивает ближе.

— Имею право быть самоуверенным?

Ты улыбаешься.

— На это — да.

— Хорошо.

Целует.

На этот раз без долгой подготовки.

Ты отвечаешь сразу.

В нём есть ревность.

Не красивая.

Настоящая.

Но она не превращается в:

не работай с ним.

не улыбайся ему.

не восхищайся.

Она превращается в желание.

В тело.

В мужское:

я тоже здесь.

И именно там ей место.

Марк отрывается.

— Всё ещё думаешь про спокойного хирурга?

Ты смеёшься.

— Ты невозможный.

— Не ответ.

— Уже нет.

— Отлично.

— Это было очень примитивно.

— Иногда работает.

— Ужас.

Он улыбается.

— Ты же просила показать, что мужчина — это мужчина.

Ты бьёшь его по плечу.

— Я такого не говорила.

— Конечно.

И снова целует.

Через неделю ты сама находишь третью квартиру.

Не Марк.

Ты.

Меньше.

Без террасы.

Но с хорошими окнами.

Нормальной кухней.

Две отдельные рабочие комнаты.

Парковка.

Цена всё ещё высокая.

Но уже такая, где твой вклад может быть настоящим.

Ты отправляешь ссылку Марку.

«Эту».

Ответ:

«Смотрю».

Через две минуты:

«Район хуже».

Ты:

«Спасибо, капитан».

«Дом хороший».

«И?»

«И я бы посмотрел».

Ты улыбаешься.

Не:

я договорился.

Не:

есть знакомый.

Не:

уже едем в субботу.

Просто:

посмотрел бы.

Ты звонишь агенту сама.

Назначаешь.

И только потом пишешь Марку время.

На просмотре он задаёт вопросы про инженерные системы.

Ты — про документы и соседей.

В спальне встаёте у окна.

Комната меньше, чем у него.

Больше, чем у тебя.

Марк говорит:

— Здесь поместится большой шкаф.

Ты:

— Отдельный.

— Что?

— У каждого своя часть.

— Я понял.

— И твои четыре рубашки не будут размножаться бесконтрольно.

— Это дискриминация.

Ты улыбаешься.

Потом:

— Мне нравится.

Марк становится серьёзным.

— Мне тоже.

Опасный момент.

Потому что теперь это уже не фантазия.

Ты идёшь дальше.

— Считать будем вместе.

— Да.

— Доли тоже.

— Да.

— И если не сойдёмся по деньгам, не покупаем.

Марк выдыхает.

— Хорошо.

— Тяжело?

— Очень.

Ты смеёшься.

Он смотрит.

— Но я хочу дом с тобой больше, чем конкретно этот дом.

Тишина.

Сердце.

Вот мужчина.

Не потому что сказал красивую фразу.

Потому что у него есть возможность получить практически любую квартиру из тех, что вы смотрите.

И всё же он выбирает не объект.

Тебя.

А значит, может уйти от объекта.

Ты подходишь ближе.

— Это было очень хорошо.

— Знаю.

— Самоуверенный.

— Да.

— Поцеловать можно.

Он улыбается.

— Спасибо за разрешение.

И целует прямо посреди пустой спальни, пока агент где-то за стеной говорит по телефону.

Ты тихо смеёшься ему в губы.

Марк:

— Что?

— Ничего.

— Есть.

— Представила агента.

— Не надо.

— Сейчас зайдёт и поймёт, почему нам нужна спальня.

Марк смотрит.

— Я думаю, это и так было очевидно.

Ты опять смеёшься.

А потом перестаёшь.

Потому что его рука ложится тебе на спину.

Потому что за последние годы ты слишком хорошо научи-

лась различать оттенки мужского прикосновения.

Забота.

Успокоение.

Привычка.

Ревность.

Желание.

Сейчас — последнее.

И ты отвечаешь.

Не скромнее.

Не осторожнее.

Пустая квартира вдруг на несколько секунд перестаёт
быть недвижимостью.

Становится возможной жизнью.

Не идеальной.

Там будут счета.

Грязные чашки.

Споры.

Его рубашки.

Твои документы.

Его звонки.

Твои ранние пациенты.

Наверняка однажды вы будете ругаться из-за ремонта.

Никакой эротический роман не продолжил бы сцену до
выбора стиральной машины.

А вы, возможно, продолжите.

И, кажется, именно это тебе теперь нравится больше все-

го.

Не мужчина, который исчезает после красивой главы.

А мужчина, который умеет хотеть тебя так, что ноги становятся слабее, а потом способен утром спросить:

— Нам нужен один рабочий стол или два?

И принять ответ:

— Два.

Потому что мужская сила перестала для тебя означать человека, который занимает всё пространство.

Теперь гораздо сильнее выглядит тот, кто способен занять своё.

И оставить рядом место твоему.

Глава шестая

Дом, в котором двое

Квартира проходит первую проверку.

Юридическую.

Это уже менее эротично.

Через три дня после просмотра ты сидишь за кухонным столом с выписками, планом, договором бронирования, предварительным расчётом ипотеки и выражением лица человека, который начинает подозревать, что романтические отношения были придуманы банками для продажи кредитов.

Марк сидит напротив.

У него свой ноутбук.

Он уже дважды начинал говорить:

— Здесь можно...

И дважды останавливался.

На третий ты не выдерживаешь.

— Скажи.

— Ты уверена?

— Да.

— У застройщика есть условие, которое мне не нравится.

Ты сразу напрягаешься.

— Какое?

Он поворачивает ноутбук.

Не забирает документы.

Не объясняет сверху вниз.

Просто показывает.

— Они могут перенести срок передачи почти на четыре месяца без штрафа при довольно широком наборе причин.

Ты читаешь.

— Это стандартно?

— Распространённо.

— То есть?

— Не катастрофа.

Но если мы рассчитываем на конкретную дату переезда, лучше закладывать запас.

Ты киваешь.

— Хорошо.

— И ещё.

— Говори.

— Машино-место оформляется отдельно.

— Я видела.

— Там цена...

Ты называешь.

Марк смотрит.

— Ты уже смотрела?

— Представь.

— Зачем тогда я вообще здесь?

— Для красоты.

Он откидывается.

— Наконец честно.

Ты улыбаешься.

Потом снова смотришь на расчёты.

Самая неприятная часть — деньги.

Не потому что их совсем нет.

Потому что теперь нужно превратить ваш принцип в цифры.

Квартира стоит меньше первой почти в два раза.

Но всё равно много.

Ты можешь внести примерно треть первоначального взноса и обслуживать значительную часть будущих платежей.

Марк может закрыть всё сразу.

Вообще без кредита.

Вот где начинаются трудности.

— Я всё ещё не понимаю, зачем нам ипотека.

Говорит он.

Спокойно.

Ты даже не раздражаешься.

Пока.

— Потому что если ты внесёшь всё, это будет твоя квартира.

— Нет.

— Экономически — да.

— Юридически можем оформить пятьдесят на пятьдесят.

— И я получу половину недвижимости, которую почти не

купила.

— Купишь со временем.

— Как?

— Будешь переводить мне.

Ты смотришь.

— То есть должна тебе.

Марк останавливается.

— Не в том смысле.

— В очень буквальном смысле.

Он выдыхает.

— Хорошо.

— Именно.

— Тогда банк.

— Да.

— Ужасная организация.

— Ты сам с ними работаешь.

— Поэтому знаю.

Ты смеёшься.

Марк закрывает свой ноутбук.

— Скажи ещё раз, чего ты хочешь от конструкции.

Ты сразу понимаешь: не квартиры.

Конструкции.

Финансовой.

— Равные доли.

— Хорошо.

— Реальный вклад с моей стороны.

Не подаренный.

Не условный.

— Хорошо.

— И платёж, который я могу тянуть даже если...

Ты замолкаешь.

Марк заканчивает:

— Даже если мы расстанемся.

Неприятно.

Но необходимо.

— Да.

Он несколько секунд молчит.

— Ненавижу этот критерий.

— Знаю.

— Но понимаю.

Ты смотришь.

Он продолжает:

— Тогда не берём максимальный кредит.

Часть первоначального взноса вносишь ты.

Часть я.

Дальше платежи пропорционально доходам, но право собственности пополам.

Ты хмуришься.

— Это снова значит, что ты платишь больше за те же пятьдесят процентов.

— Да.

— Почему это лучше?

— Потому что деньги — не единственный вклад.

Ты сразу:

— Нет.

— Выслушай.

Он говорит спокойно.

— Я не предлагаю считать приготовленный ужин в квадратных метрах.

Ты улыбаешься.

— Уже хорошо.

— Я говорю, что если мы живём вместе, у нас может быть разная финансовая мощность.

Это не делает одного более собственником семьи.

— Мне не нужна квартира, в которой ты каждый месяц доказываешь равенство одинаковой суммой, которая для тебя тяжелее в три раза.

Тишина.

Сильная мысль.

Неприятная именно потому, что разумная.

— Но я не хочу, чтобы ты платил за меня.

— А я не хочу, чтобы ты превращала независимость в налог.

Ты поднимаешь глаза.

Марк тоже понимает, что попал.

— Не начинай.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он наклоняется ближе.

— Тебе иногда важно не просто участвовать.

Тебе важно, чтобы участие было болезненным достаточно, чтобы никто не мог сказать, что ты получила что-то благодаря мне.

Ты злишься.

Потому что узнаёшь себя.

— Очень удобно рассуждать человеку, для которого эта сумма не болезненная.

— Конечно.

— Вот именно.

— Но это не делает мысль неправильной.

— И ты имеешь право сказать, что я просто не понимаю цену денег для тебя.

Это будет правда.

Ты молчишь.

Он не давит дальше.

Хорошо.

— Мне надо подумать.

— Думай.

— Без новых расчётов.

Марк поднимает руки.

— Ничего не считаю.

— Настоящее?

— Уже боюсь таблиц.

Ты почти смеёшься.

Тема остаётся.

Не решённая.

Но впервые ты понимаешь: равенство, возможно, не всегда выглядит как одинаковые цифры.

И это пугает сильнее, чем ипотека.

Потому что цифры можно посчитать.

Доверие — нет.

На работе Антон окончательно перестаёт быть «новым хирургом».

Становится просто Антоном.

Не другом.

Не человеком из внутреннего круга.

Хорошим коллегой.

Он не приносит тебе кофе.

Не задерживается после смены без причины.

Не знает историю твоих отношений.

Не спрашивает.

И именно поэтому рядом с ним неожиданно легко.

Однажды после тяжёлой операции выходит из кабинета и говорит:

— Мне нужен второй комплект такой же оптики.

— Почему?

— Потому что один уже изношен.

— Сколько?

Называет сумму.

Ты морщишься.

— Можно дешевле?

— Можно.

— И?

— Я не хочу.

Ты смеёшься.

— Великолепное обоснование.

Он объясняет.

Чётко.

Срок службы.

Качество.

Гарантия.

Сервис.

Никаких:

«Я хирург, я лучше знаю».

Просто аргументы.

Ты соглашаешься.

Через два дня счёт оказывается на десять процентов выше.

Катя приносит.

— Изменился курс.

— Антон знает?

— Да.

— И?

— Сказал, что если дорого, может подождать месяц.

Ты замечаешь.

Вот разница.

Не требует доказать доверие немедленной покупкой.

Ты покупаешь.

Не потому что он мужчина.

Не потому что нравится его спокойствие.

Потому что аргументы хорошие.

Но когда Антон вечером заходит сказать спасибо, замечаешь его руки.

Опять.

Не как Даниила.

У Даниила ты знала каждое движение слишком давно.

Здесь просто чужой взрослый мужчина.

Спокойный.

Уверенный.

Сильные предплечья после смены, рукава закатаны.

Тело замечает.

На секунду.

Не больше.

Ты почти смеёшься внутри.

Ну конечно.

Психика жива.

Ничего не выключилось после любви.

После Марка.

После совместных планов на жильё.

Мужчины не стали предметами мебели.

Антон говорит:

— Если приедет в пятницу, могу выйти утром принять два дополнительных случая.

— Не надо.

— Почему?

— У тебя выходной.

— Мне нормально.

— А мне нет.

Он удивляется.

— Почему?

— Потому что потом начнём считать переработки нормой.

— Выходи только если действительно хочешь дополнительную смену и оплату.

Антон улыбается.

— Вы очень боитесь эксплуатации.

— Я управляю маленькой клиникой.

У нас эксплуатация пока семейного размера.

Он смеётся.

— Тогда пятницу оставлю себе.

— Правильно.

Уходит.

Ты остаёшься с краткой мыслью:

красивый.

И всё.

Не договор.

Табличка в комнате персонала продолжает работать.

Мира решает, что следующий книжный клуб должен быть посвящён «богатым мужчинам как отдельному литературному заболеванию».

Ты сразу:

— Нет.

Она:

— Поздно.

В список попадают несколько известных эротических и романтических книг.

«Пятьдесят оттенков серого».

«Обнажённая для тебя».

«Этот мужчина».

Мира присылает сообщения одно за другим.

«Я провожу исследование».

Ты:

«Ты проводишь атаку на мою психику».

Соня:

«Я приду только ради полевого материала».

Лера из другого города:

«Подключусь. У меня богатых нет, хочу посмотреть на зоопарк».

Марк узнаёт и говорит:

— Я не приду.

Ты:

— Боишься?

Он смотрит.

— Очень дешёвая манипуляция.

— Работает?

— Да.

Поэтому приходит.

На этот раз ещё до начала говорит Мире:

— Я официально заявляю конфликт интересов.

— Принято.

— И требую право на защиту.

— Отклонено.

Ты смеёшься.

Мира поднимает «Пятьдесят оттенков».

— Начнём с классики массового контроля.

Марк:

— Я ухожу.

Ты хватаешь его за рукав.

— Сиди.

Он смотрит на твою руку.

— Это принуждение?

— Да.

— Наконец честно.

Обсуждение быстро превращается в беспорядок.

Нина заявляет:

— Меня вообще больше всего удивляет, что у этих мужчин после всех корпораций остаётся столько времени.

Алина:

— Именно. У меня маленькое бюро, и я иногда два дня не успеваю нормально поужинать.

Мира:

— Значит, настоящий эротический герой — мужчина, у которого хороший операционный директор.

Ты поворачиваешься к Марку.

— Вот почему тебе было так тяжело отпускать Еву.

В комнате тишина.

Потом Марк начинает смеяться.

Даже Алина закрывает лицо.

Даниил на этот раз не приходит.

И это тоже уже нормально.

Соня берёт слово:

— Меня интересует другой вопрос. Почему богатство в таких романах почти всегда подаётся как усилитель сексуальности?

Нина:

— Потому что бедный контролирующий мужчина просто раздражает?

Мира чуть не падает со стула.

Ты смеёшься.

Марк:

— Спасибо за классовый анализ.

Соня продолжает:

— Деньги дают герою возможность материализовать желание.

Самолёт.

Дом.

Подарок.

Поездка.

Охрана.

Ты мгновенно смотришь на Марка.

Он встречает взгляд.

В комнате кроме вас никто не знает всю историю.

Он тихо:

— Особенно охрана.

Мира:

— Что?

Ты:

— Ничего.

Но Марк продолжает уже серьёзно:

— Проблема в том, что деньги позволяют человеку пре-
вратить импульс в действие очень быстро.

Если у обычного человека ревнивый импульс останется
мыслью, человек с ресурсом может за час организовать по-
следствия.

Ты слушаешь.

Он говорит уже не как объект шутки.

Как человек, который знает цену собственных возможно-
стей.

— Поэтому чем больше у тебя власти, тем меньше ты име-
ешь права притворяться, что «просто хотел помочь».

Соня кивает.

— Это хорошая мысль.

Марк:

— Дорогая.

Ты опускаешь взгляд.

Вот так прошлое становится не только травмой.

Иногда опытом.

Мира, конечно, не позволяет разговору остаться серьёзным.

— Хорошо. А теперь главный вопрос.

Все ждут.

— Почему в эротических книгах мужчина почти всегда знает, чего хочет женщина, раньше неё?

Ты сразу:

— Потому что если бы он три главы спрашивал, книга была бы короче.

Алина:

— Или здоровее.

Нина:

— И без продолжения.

Марк смотрит на тебя.

— А тебе иногда нравится, когда мужчина знает.

Не вопрос.

Ты чувствуешь тепло.

Мира сразу замечает.

— Так. Началось.

— Замолчи.

Марк спокойно:

— Я говорю о фантазии.

Ты отвечаешь:

— Иногда.

— Даже если ошибается?

— Нет.

— Значит, должен знать правильно.

— Именно.

Марк улыбается.

— Очень простая задача.

Ты тоже улыбаешься.

И под столом его ладонь ложится тебе на колено.

Не выше.

Просто держит.

Никто не видит.

Ты продолжаешь говорить о книгах.

Но половина внимания уже там.

Его пальцы неподвижны.

Никакой суеты.

Марк знает, что может сдвинуть руку.

Не делает.

Ты сама через минуту немного меняешь положение.

Его ладонь оказывается выше.

Совсем немного.

Он поворачивает голову.

Взгляд.

Вопрос без слов.

Ты не убираешься.

Ответ.

Соня в это время рассказывает, почему фантазия и реальный договор не одно и то же.

Очень тематично.

Ты почти смеёшься.

Марк чувствует движение.

Едва заметно сжимает пальцы.

И всё.

Вот это оказывается не слабее любых книжных сцен.

Потому что рядом люди.

Потому что никто не знает.

Потому что твой мужчина может выглядеть совершенно спокойным, обсуждая литературу, в то время как одно его прикосновение заставляет тебя считать минуты до конца вечера.

В машине ты говоришь:

— Ты сегодня специально.

Марк:

— Да.

Вот неожиданно.

— Даже отрицать не будешь?

— Нет.

— Что именно?

— Хотел, чтобы ты думала обо мне.

Ты поворачиваешься.

— Во время обсуждения эротических книг?

— Особенно.

— Ревность?

— Немного.

— К вымышленным мужчинам?

— К тому, что они могут сделать с твоей головой.

Ты начинаешь смеяться.

— Это новый уровень.

Марк тоже улыбается.

— Я не говорил, что разумный.

Потом его голос меняется.

— И ещё.

— Что?

— Сегодня ты смотрела на Антона в клинике.

Ты замираешь.

— Откуда ты...

— Я приехал раньше.

— Ты стояла у стойки. Он выходил из кабинета.

Никакого обвинения.

Просто факт.

— И?

— Ничего.

— Марк.

Он смотрит на дорогу.

— Мне не понравилось.

Прямо.

— Как именно я смотрела?

— Как на мужчину.

Ты молчишь.

Потому что правда.

— Да.

Говоришь наконец.

Марк сжимает руль.

Не сильно.

Но замечаешь.

— Он тебе нравится?

— Как мужчина?

— Да.

Ты могла бы облегчить.

Нет.

Это просто коллега.

Зачем?

— Физически — да.

Марк выдыхает через нос.

— Чёрт.

Ты улыбаешься.

— Ты спросил.

— Знаю.

— И я ничего не делаю.

— Знаю.

— И не собираюсь.

Он кивает.

Но напряжение в машине меняется.

Не плохое.

Плотное.

Марк молчит почти минуту.

Потом:

— Мне хочется сказать, чтобы ты нашла другого хирурга.

— Я знаю.

— И я этого не скажу.

— Хорошо.

— Но мне всё равно хочется.

Ты поворачиваешься к нему.

— Это очень мужская логика.

— Какая?

— «Я понимаю, что права не имею, но внутри уже уволил человека».

Марк смеётся один раз.

— Примерно.

— Он хороший врач.

— Я знаю.

— И ведёт себя нормально.

— Тем хуже.

Ты смеёшься.

— Почему?

— Потому что если бы был идиотом, мне было бы легче.
Вот честность.

Ты неожиданно накрываешь его руку на коробке передач.

— Марк.

— Что?

— Я люблю тебя.

Он не сразу отвечает.

Даже сейчас эта фраза иногда имеет над ним силу.

— Знаю.

— Очень скромно.

— Ты пытаешься успокоить меня.

— Нет.

— Напоминаю факт.

Он поворачивает голову на секунду.

— Я тоже тебя люблю.

Потом:

— И всё равно хочу ударить твоего прекрасного хирурга.

Ты начинаешь смеяться.

— Ты его даже не знаешь.

— Мне не мешает.

— Варвар.

— Иногда.

Вот это тебе нравится.

Не потому что хочешь драки.

А потому что в Марке есть то, что невозможно полностью цивилизовать.

Конкуренция.

Собственнический импульс.

Грубая мужская ревность.

Раньше он путал её с правом действовать.

Теперь умеет держать внутри, называть, смеяться над собой.

Но сама энергия никуда не делась.

И ты не хочешь, чтобы исчезла.

Тебе нужен не безопасный бесцветный человек.

Тебе нужен мужчина, который способен хотеть очень сильно и всё равно выбирать, что делать с этим желанием.

Разница огромная.

У тебя дома Марк снимает пальто.

Ты идёшь на кухню.

Он остаётся в коридоре.

Ты чувствуешь взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Неправда.

Он подходит.

Не спеша.

Сегодня в нём есть то напряжение, которое копилось весь вечер.

Книжный клуб.

Твоя честность про Антона.

Его собственная ревность.

Ты стоишь у кухонного острова.

Марк останавливается с другой стороны.

— Ты специально сказала, что он тебе нравится?

— Нет.

— Могла сказать «симпатичный».

— Ты спросил прямо.

— Знаю.

— И мне нравится, что сказала правду.

— Но?

— Никакого «но».

Он обходит остров.

Подходит ближе.

— Просто теперь я зол.

Ты чувствуешь возбуждение раньше, чем успеваешь оценить, насколько это разумно.

— На меня?

— Нет.

— На него?

— Он ничего не сделал.

— Тогда?

Марк смотрит.

— На устройство мира, в котором другие мужчины продолжают существовать.

Ты смеёшься.

— Серьёзная проблема.

— Неразрешимая.

— Смирись.

Он кладёт ладони на стол по обе стороны от тебя.

Не касается.

Но пространство резко уменьшается.

Ты поднимаешь голову.

— Это сейчас что?

— Ничего.

— Очень похоже на что-то.

— Я тебя не держу.

Правда.

Ты можешь отойти в сторону.

Не отходишь.

— А хочешь?

Спрашиваешь.

Лицо меняется.

— Да.

Простой ответ.

— Сильно?

— Не провоцируй.

— Почему?

Марк наклоняется ближе.

Не целует.

— Потому что сегодня мне труднее быть воспитанным.

Тепло проходит по телу.

— Может, не надо.

Он смотрит прямо.

— Скажи точно.

Ты чувствуешь, как сама играешь с границей.

Не от страха.

От желания.

— Не надо быть слишком воспитанным.

Марк всё ещё не двигается.

— И что можно?

Даже сейчас.

Ты улыбаешься.

— То, что ты хочешь.

— Это не ответ.

— Почему?

— Потому что я хочу много.

Голос ниже.

Ты перестаёшь улыбаться.

— Тогда начни с того, что можно остановить.

Вот ответ, который он понимает.

Марк целует тебя.

Сразу жёстче, чем обычно.

Не больно.

Но без мягкой разведки.

Ты отвечаешь.

Его рука ложится на затылок.

Вторая на талию.

Твоя спина касается края столешницы.

Ты чувствуешь всю физическую разницу между вами.

Рост.

Сила.

Вес.

То, что при других обстоятельствах могло бы пугать.

Сегодня — нет.

Потому что всё происходит внутри выбранного тобой пространства.

Он отрывается.

— Нормально?

Ты почти раздражённо:

— Да.

— Хорошо.

Снова.

Марк не становится аккуратнее.

Только увереннее.

Ты сама цепляешься пальцами за ворот его рубашки.

Тянешь ближе.

Он смеётся прямо в поцелуй.

— Кто теперь контролирует?

— Замолчи.

— Любимый ответ.

Ты толкаешь его.

Не сильно.

Он отступает.

Сразу.

Вот проверка, сделанная телом, а не словами.

Ты смотришь.

Он ждёт.

В глазах желание.

Но не идёт вперёд, пока не двигаешься ты.

И именно это окончательно сносит остатки осторожности.

Ты подходишь сама.

— Теперь можно.

Марк берёт тебя за талию и почти одним движением усаживает на край столешницы.

Ты вдыхаешь.

— Опять?

— Ты сказала можно.

— Самоуверенный.

— Очень.

Он стоит между твоими коленями.

Ладони на талии.

Ты чувствуешь, насколько он напряжён.

Физически.

Эмоционально.

В нём сегодня действительно есть мужчина, которого цивилизация держит на коротком поводке.

Только поводок теперь у него в собственной руке.

Не у тебя.

Не потому что ты должна управлять его самоконтролем.

Он сам отвечает за себя.

Это, возможно, главное.

— Ты всё ещё ревнуешь?

Шепчешь.

— Да.

— Помогло?

— Нет.

Ты смеёшься.

Он целует шею.

Ты перестаёшь смеяться.

Через несколько секунд всё снова становится слишком острым для шуток.

Но когда ты говоришь:

— Подожди.

Марк останавливается мгновенно.

Не отстраняется далеко.

Просто прекращает движение.

Смотрит.

— Что?

Ты дышишь.

— Ничего плохого.

Он ждёт.

— Просто...

Ты улыбаешься.

— Я хочу посмотреть на тебя.

Марк выдыхает.

Почти смеётся.

— Ты издеваешься.

— Возможно.

Ты действительно смотришь.

На мужчину перед собой.

Не образ.

Не травму.

Не проект исправления.

Он красив не идеально.

Есть маленький шрам возле брови.

Усталость под глазами.

Щетина.

Слишком напряжённая челюсть, когда ревнует.

Широкие плечи.

Руки, которые могли бы легко удержать и поэтому особенно важны в тот момент, когда не удерживают без твоего согласия.

Ты касаешься его лица.

— Что?

Спрашивает он.

— Ничего.

— Опять.

— Ты мне нравишься.

Марк молчит.

Словно после всех лет отношений эта фраза неожиданнее, чем «люблю».

— Как мужчина.

Добавляешь.

Он закрывает глаза на секунду.

— Не говори так, если хочешь сегодня спать.

Ты смеёшься.

— Вот теперь точно мужчина.

Он смотрит.

— Ты нарываешься.

— На что?

Марк наклоняется ближе.

— На очень короткую ночь.

И по голосу понятно: это не литературная поза.

Просто предупреждение.

Ты улыбаешься.

— Завтра поздний пациент.

— Отлично.

— Самоуверенный.

— Мы уже установили.

А потом никаких обсуждений уже не требуется.

Только выбранная близость.

Сильная.

Немного ревнивая.

Тёплая.

Без необходимости превращать желание в красивую теорию.

Иногда мужчина просто хочет женщину.

Иногда женщина хочет, чтобы это было очевидно.

И никакой философский конфликт в этом не нужен.
Если оба всё ещё могут сказать:
да.
нет.
ещё.
хватит.

Утром ты просыпаешься от запаха кофе.

Марк на кухне.

Без рубашки.

Спиной к тебе.

Ты останавливаешься в дверях.

Смотришь.

Он чувствует.

Не оборачивается.

— Опять?

— Что?

— Смотришь.

— Можно?

Теперь оборачивается.

— Очень.

Ты улыбаешься.

И вот это тоже часть желания.

Не только ночь.

Утро.

Сильный мужчина, который вчера почти довёл тебя до по-

тери способности говорить связно, сейчас пытается приготовить яйца и читает инструкцию на новой кофемашине.

— Не трогай эту кнопку.

Говоришь.

Он сразу:

— Почему?

— Потому что включишь очистку.

— Уверена?

— Марк.

Он убирает руку.

— Хорошо.

Ты подходишь сзади.

Обнимаешь.

— Вчера ты был очень ревнивый.

— Сегодня тоже.

— К Антону?

— Немного.

— И что будем делать?

— Ничего.

— Совсем?

Он поворачивается в твоих руках.

— Если он хороший врач и ведёт себя нормально — ничего.

— Если перестанет вести себя нормально, всё равно сначала решишь ты.

Ты улыбаешься.

— Очень зрелый.

— Мне не нравится.

— Знаю.

— И это не значит, что я захочу с ним дружить.

— Не обязан.

Марк наклоняется.

— Но если он начнёт смотреть на тебя так, как ты смотрела на него...

Ты поднимаешь брови.

— Что?

Он улыбается.

— Я пойду в спортзал.

Ты начинаешь смеяться.

— Очень мудро.

— Я знаю свои ограничения.

Именно.

Мужчина не становится мужчиной меньше, если не устраивает драку.

Иногда наоборот.

Особенно если способен признать:

я хочу.

я злюсь.

я ревную.

И всё равно не превращает это в чужую обязанность.

Ты целуешь его.

— Квартиру вечером считаем?

Марк стонет.

— Ты умеешь убить настроение.

— Реальная жизнь.

— В эротических романах этого нет.

— Поэтому у них герои не знают, кому принадлежит половина недвижимости.

Марк улыбается.

— Я понял главный жанровый недостаток.

— Какой?

— Там слишком рано заканчивается книга.

Ты думаешь.

— Да.

Пожалуй.

Потому что по-настоящему интересное начинается не тогда, когда мужчина наконец получает женщину.

И не когда женщина признаётся, что его хочет.

А потом.

Когда утром надо решить, кто платит ипотеку.

Кто имеет право на отдельную комнату.

Можно ли смотреть на красивого коллегу.

Как сказать о ревности, не превратив её в запрет.

Где заканчивается мужская сила и начинается право другого человека.

И можно ли прожить рядом много лет так, чтобы желание не умерло от того, что вы слишком хорошо знаете друг друга.

Ты смотришь на Марка.

На его руку возле кофемашины.

На слишком широкие плечи для твоей маленькой кухни.

На бритву, которая когда-то казалась вторжением и теперь просто стоит в ванной.

Возможно.

Если каждый из вас остаётся человеком, а не функцией другого.

Если он всё ещё мужчина.

Ты всё ещё женщина.

И никто из вас не пытается сделать второго безопасным настолько, чтобы перестать его хотеть.

Глава седьмая

Не вместо меня

Квартиру вы не покупаете ещё почти месяц.

И это оказывается полезно.

Потому что за первые три дня после просмотра ты успеваешь:

влюбиться в неё;

разлюбить;

посчитать платежи;

испугаться;

решить, что проще вообще никогда не жить с мужчиной;

снова открыть фотографии кухни;

представить там кофемашину;

закрыть фотографии;

открыть снова.

Марк ведёт себя подозрительно хорошо.

Не присылает новые варианты.

Не сообщает, что поговорил с банком.

Не сообщает, что знакомый застройщик может «решить».

Вообще ничего не решает.

На четвёртый день ты сама пишешь:

«Хочу обсудить деньги».

Ответ появляется через минуту.

«Сегодня?»

«Да».

Потом ещё:

«И я хочу независимого юриста».

Пауза длиннее.

Ты уже готовишься.

Наконец:

«Правильно».

Ты смотришь на сообщение.

Вот и весь конфликт.

Почти обидно.

Раньше можно было бы провести красивую ссору на два вечера.

Теперь человек просто отвечает:

правильно.

Очень неудобно для драматургии.

Юриста находишь сама.

Не через Марка.

Не через компанию.

Женщина лет сорока пяти с короткой стрижкой, спокойным лицом и манерой разговаривать так, будто романтическая любовь — просто один из факторов повышенного юридического риска.

Ты сразу её любишь.

Марк, кажется, не сразу.

Она смотрит документы, ваши доходы, предполагаемый первоначальный взнос и спрашивает:

— Вы женаты?

— Нет.

— Собираетесь?

Тишина.

Ты смотришь на Марка.

Он на тебя.

Юрист поднимает глаза.

— Я не священник. Мне для конструкции.

Ты почти смеёшься.

— Возможно.

Марк:

— Да.

Ты поворачиваешься.

Он спокойно:

— Я собираюсь.

Юрист:

— Отлично. Но пока не женаты.

Ты:

— Спасибо.

Она продолжает, будто ничего.

— Тогда не советую строить всё на обещании «мы всё равно поженимся».

Марк:

— Согласен.

— Хорошо.

Дальше цифры.

Если квартира оформляется пополам, а вклады разные, это надо зафиксировать.

Не потому что вы планируете расстаться.

Потому что хорошие отношения — не основание для плохих документов.

— Самый простой вариант.

Говорит она.

— Равные доли, но отдельное соглашение о вложениях.

В случае продажи сначала возвращаются подтверждённые первоначальные вклады каждого, дальше остаток делится по согласованной формуле.

Ты хмуришься.

— Тогда доли вроде равные, но экономически не совсем.

— Конечно.

— А если один платит больше по кредиту?

— Тоже фиксируется.

Марк спрашивает:

— Можно сделать так, чтобы при любом расхождении вкладов квартира оставалась пятьдесят на пятьдесят?

Юрист смотрит на него.

— Можно.

— И?

— Тогда вы сознательно дарите часть стоимости второму человеку.

Марк:

— Хорошо.

Ты:

— Нет.

Юрист переводит взгляд между вами.

— Прекрасно.

— Что прекрасного?

— Вы уже добрались до настоящего конфликта.

Первые двадцать минут были цифры.

Ты почти улыбаешься.

Марк откидывается.

— Я не хочу вести бухгалтерию отношений.

— А я не хочу получать имущество подарком.

— Тогда мы именно бухгалтерию и будем вести.

— В недвижимости — да.

— И тебя это не будет раздражать?

— Будет.

Юрист сухо:

— Наконец-то честные клиенты.

Вы оба замолкаете.

Она объясняет ещё один вариант.

Учитывать денежные вклады отдельно, но рост стоимости
квартиры делить поровну.

Потому что сам актив выбираете вместе.

Живёте вместе.

Ремонтируете.

Поддерживаете.

Тогда исходные деньги не стираются, но совместно созданная стоимость становится общей.

Ты слушаешь.

Марк тоже.

— Мне нравится.

Говоришь.

Он молчит.

— Тебе нет?

— Мне не нравится сама мысль, что мы сейчас считаем расставание.

— Мы не считаем расставание.

— А что?

Юрист отвечает за тебя:

— Вы убираете финансовый шантаж из потенциального будущего конфликта.

Марк смотрит.

Она продолжает:

— Если отношения хорошие, документ вам не понадобится.

Если плохие, будет поздно договариваться.

Тишина.

Марк кивает.

— Хорошо.

Ты смотришь на него.

— Настоящее?

Он усмехается.

— Нет.

Но разумное.

Юрист впервые улыбается.

— Уже можно выставлять счёт.

После встречи вы идёте пешком.

Марк молчит.

Ты специально не трогаешь.

Через несколько минут сам:

— Мне всё равно неприятно.

— Что именно?

— Что у нас будет документ на случай, если мы перестанем быть нами.

— У тебя есть страховка на машину?

Он смотрит.

— Не начинай.

— Есть?

— Есть.

— Ты планируешь аварию?

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

Марк останавливается.

— Для тебя это настолько просто?

— Нет.

Ты тоже останавливаешься.

— Мне тоже неприятно.

Я просто больше не хочу путать неприятное с неправильным.

Он смотрит долго.

Потом кивает.

— Хорошо.

И идёт дальше.

Через десять метров:

— Но одну вещь я всё-таки хочу.

— Какую?

— Ремонт не делим по каждой лампочке.

Ты смеёшься.

— Согласна.

— И диван не учитываем как инвестиционный вклад.

— Зависит от дивана.

— Господи.

— Если он будет стоять как автомобиль...

— Не будет.

Ты поднимаешь брови.

Марк:

— Хорошо. Не должен.

Уже прогресс.

В тот же вечер вы приезжаете к тебе.

Марк снимает пиджак.

Расстёгивает манжеты.

Ты смотришь.

Он замечает.

— Что?

— Ничего.

— Ты очень плохо врёшь, когда смотришь ниже лица.

— Самоуверенно.

— Проверено.

Он закатывает рукава.

И почему-то это действует сильнее, чем должно.

Очень мужское движение.

Обычное.

Без позы.

Предплечья.

Часы.

Сильные руки, которые сегодня два часа листали юридические документы и не пытались вырвать из твоих рук финансовые решения.

Вот сочетание и работает.

Ты отворачиваешься к холодильнику.

Марк подходит сзади.

Не касается.

— Ты злилась?

— На юриста?

— На меня.

— Немного.

— За что?

— За то, что тебе проще подарить мне половину квартиры, чем выдержать, что я хочу сама за неё платить.

— Возможно.

— Почему?

Он стоит близко.

Ты чувствуешь.

— Потому что деньги для меня простой ресурс.

Говорит Марк.

— Если проблема решается ресурсом, мой первый импульс — решить.

— Знаю.

— А для тебя возможность самой внести деньги означает что-то большее.

Ты поворачиваешься.

— Да.

Он смотрит сверху вниз.

— Я иногда ненавижу, сколько значения для тебя имеет «сама».

— А я иногда ненавижу, как легко тебе сказать «я заплачу».

— Честно.

— Очень.

Марк кладёт ладонь на холодильник возле твоего плеча.

Не запирает.

Просто близко.

— И что будем делать?

— Покупать так, чтобы оба немного страдали.

Он начинает смеяться.

— Вот она, настоящая любовь.

— Компромисс.

— Ненавижу слово.

— Почему?

— Потому что обычно означает, что никто не получил чего хотел.

— Нет.

Ты смотришь.

— Иногда означает, что оба решили, что человек важнее максимального удобства.

Он перестаёт смеяться.

— Скажи ещё раз.

— Нет.

— Почему?

— Уже сказала.

Марк касается пальцами твоей талии.

— Очень раздражающая женщина.

— Ты знал.

— Да.

Его рука становится плотнее.

Не грубо.

Но ты сразу чувствуешь разницу.

Марк злой?

Немного.

Возбуждённый?

Да.

Оба состояния живут в нём одновременно.

— Что?

Спрашиваешь.

— Сегодня я два часа слушал, как юридически правильно делить квартиру на случай, если ты уйдёшь.

— Мы оба.

— Я знаю.

— И?

Он смотрит прямо.

— Теперь хочу напомнить себе, что сегодня ты ещё здесь.

Тепло проходит мгновенно.

— Очень собственнически.

— Да.

— Опасно.

— Я ничего не решил за тебя.

— Пока.

Марк улыбается едва заметно.

— Скажи нет.

Ты молчишь.

Он ждёт.

— Не хочу.

Ответ меняет всё.

Ладонь на талии подтягивает ближе.

Вторая ложится на шею.

Поцелуй приходит сразу.

Не злой.

Но сильный.

Без осторожной вежливости.

Ты отвечаешь так же.

И впервые за долгое время в близости есть немного конфликта.

Не опасного.

Живого.

Ты злилась на него.

Он злился на самую возможность потерять.

Никто не обязан сначала идеально переработать чувство, прежде чем хотеть другого.

Иногда напряжение тоже становится частью желания.

Марк отрывается.

— Нормально?

Ты раздражённо:

— Если будешь спрашивать после каждого поцелуя, я передуваю.

— Рискованно.

— Очень.

Он снова целует.

Ты чувствуешь край кухонного стола за спиной.

Марк не давит.

Ты сама делаешь шаг назад.

Он видит.

Понимает.

Подходит.

Вот что становится между вами новым языком.

Не бесконечное обсуждение.

Но ни одного шага, который нельзя прочесть обратно.

Его пальцы на твоей талии.

Твои на ворота рубашки.

Ты тянешь.

Он становится ближе.

Слишком.

Хорошо.

— Знаешь, что бесит?

Шепчет Марк.

— Сейчас?

— Да.

— Что?

— Ты всё равно права про квартиру.

Ты начинаешь смеяться прямо ему в губы.

— Очень эротично.

— Я многозадачный.

— Ужас.

— Согласен.

Он поднимает тебя на край стола.

Уже привычное движение.

Ты автоматически обхватываешь его плечи.

— Ты специально это полюбил.

— Очень.

— Почему?

Он смотрит.

— Потому что мне нравится чувствовать, что могу под-
нять тебя.

— И нравится, что ты позволяешь.

Не прячет мужское удовольствие за современной пра-
вильностью.

Не делает вид, что физическая сила для него ничего не
значит.

Значит.

Тебе тоже.

— Хороший ответ.

— Знаю.

— Самоуверенный.

— Тоже знаю.

Его ладони уверенно держат тебя.

Ты чувствуешь себя меньше рядом.

Не слабее.

Меньше физически.

И это, оказывается, совсем не одно и то же.

Иногда приятно.

Особенно когда весь день решаешь.

Считаешь.

Отвечаешь.

Руководишь.

Иногда хочется на несколько минут перестать быть самым ответственным человеком собственной жизни.

Не навсегда.

Не юридически.

Не финансово.

Просто здесь.

С мужчиной, которому доверяешь ровно настолько, чтобы позволить ему быть сильнее телом, не становясь сильнее твоего решения.

Позже, когда уже лежите в спальне, Марк спрашивает:

— Я могу одну ужасную вещь сказать?

— После юриста сегодня всё можно.

— Когда ты согласишься со мной про деньги, я иногда хочу просто положить тебя на плечо и унести.

Ты смеёшься.

— Это не аргумент.

— Именно поэтому не делаю.

— Молодец.

— Но думаешь.

— Очень.

Ты поворачиваешься.

— Мне почему-то приятно.

Марк смотрит.

— Не поощряй.

— Я не говорю, что можно.

— Вот в чём проблема с тобой.

Ты улыбаешься.

— Какая?

— Ты разрешаешь мне иметь неправильные мысли.

— Всем можно.

— Даже очень?

— Особенно.

— Пока мысли остаются мыслями.

Марк гладит твои волосы.

— Тогда у меня богатая внутренняя жизнь.

Ты начинаешь смеяться.

— Теперь понимаешь мои фантазии?

Он мрачнеет.

— Не порти.

Ты смеёшься ещё сильнее.

Через неделю приходит проблема из клиники.

Не медицинская.

Строительная.

После ночного сильного дождя на потолке комнаты персонала появляется влажное пятно.

Потом второе.

Катя присылает фотографию в семь утра.

Ты приезжаешь раньше всех.

Управляющая компания здания говорит:

— Скорее всего, фасад.

Подрядчик по ремонту говорит:

— Это эксплуатация здания, не наша зона.

Управляющая компания:

— Возможно, неправильно сделано примыкание после ремонта.

Подрядчик:

— Невозможно.

Очень быстро ты оказываешься между двумя мужчинами, каждый из которых абсолютно уверен, что виноват другой.

Главного подрядчика зовут Сергей.

Он начинает нормально.

Потом понимает, что разговор затягивается.

Тон меняется.

— Девушка, я вам объясняю.

Ты смотришь.

— Не называйте меня девушкой в этом разговоре.

Он моргает.

— Я ничего такого...

— Меня интересует причина протечки.

— Я пятнадцать лет этим занимаюсь.

— Отлично.

Тогда вам будет легко объяснить технически.

Нина рядом едва скрывает улыбку.

Сергей вздыхает.

— Здесь надо вскрывать часть потолка.

— Вскрывают.

— Это деньги.

— Если ваш гарантийный случай — ваши.

Если здание — выставите акт.

— Всё не так просто.

— Поэтому вы здесь.

Он начинает раздражаться.

— Вы понимаете, что я не могу бригаду бесплатно гонять каждый раз, когда у вас пятно?

— А я не могу закрывать клинику каждый раз, когда ваш объект начинает протекать.

— Поэтому сейчас фиксируем причину.

Он смотрит на тебя уже иначе.

Не снисходительно.

Зло.

Но это лучше.

— Хорошо.

Через час приезжает представитель управляющей компании.

Спор становится техническим.

Фасад.

Гидроизоляция.

Примыкание.

Крепления.

Ты понимаешь половину.

Записываешь.

Фотографируешь.

Никому не даёшь уйти без акта.

К обеду становится ясно:

проблема на стыке.

Часть ответственности здания.

Часть подрядчика.

Именно тот вариант, который неудобен всем.

Сергей говорит:

— Ладно, мы исправим свою часть.

— Срок?

— На неделе.

— Конкретно.

Он вздыхает.

— В четверг.

— В акт.

— Господи.

— В акт.

Он пишет.

Управляющая компания тоже ставит срок.

Когда все уходят, ты садишься.

Нина:

— Я думала, ты его убьёшь.

— Я тоже.

— Марку скажешь?

— Вечером.

— Он бы тут...

Она замолкает.

Ты смотришь.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

— Он бы очень эффектно стоял.

Ты начинаешь смеяться.

— Для гидроизоляции?

— Для Сергея.

— Мне не нужен мужчина, чтобы другой мужчина перестал называть меня девушкой.

— Знаю.

— Но иногда приятно, когда рядом стоит большой злой мужчина.

Ты опять смеёшься.

— Иди работать.

Нина уходит.

Но мысль остаётся.

Да.

Иногда приятно.

Главное — чтобы он стоял рядом.

Не вместо.

Вечером Марк действительно злится.

— Он сказал «девушка»?

— Самое страшное преступление дня.

— И отказался фиксировать гарантию?

— Сначала.

— Кто подрядчик?

Ты сразу:

— Нет.

Марк закрывает рот.

Ты улыбаешься.

— Видел?

— Да.

— Молодец.

— Я хотел просто спросить название.

— Зачем?

— Внутренняя жизнь.

Ты смеёшься.

— Не дам.

— Жестокая.

— Мы уже договорились на четверг.

— А если не придут?

— Тогда спрошу у тебя контакт хорошего строительного юриста.

— Только контакт?

— Посмотрим.

Марк смотрит.

— Ты специально наслаждаешься.

— Чем?

— Тем, что я ничего не могу сделать.

Ты думаешь.

— Немного.

Он подходит.

— Опасная игра.

— Почему?

— Потому что иногда мне нравится, когда ты просишь

помочь.

Не:

когда нуждаешься.

Когда просишь.

Разница важна.

— Если не придут, попрошу.

— Хорошо.

— А пока можешь просто сказать, что Сергей идиот.

Марк серьёзно:

— Сергей идиот.

Ты улыбаешься.

— Спасибо.

— Я даже не знаю Сергея.

— Неважно.

— Мужская солидарность сегодня отменена.

— Наконец.

В четверг подрядчик приходит.

В девять.

Как обещал.

Ты почти разочарована.

Никакой возможности призвать Марка как строительное

божество.

Ремонтируют.

Часть потолка приходится вскрыть.

Два дня в комнате персонала пахнет строительной смесью.

Катя пишет на двери:

«Временно не эротическая литература, а гидроизоляция».

Мира фотографирует.

Отвечает:

«У вас наконец появился реализм».

Ты:

«У нас он был с компрессора».

В пятницу вечером звонит мать.

— Вы с Марком покупаете квартиру?

Ты замираешь.

— Откуда ты знаешь?

— Папа сказал.

— Откуда папа знает?

— Ты ему сказала.

Вспоминаешь.

Да.

Упоминала между делом, что смотрите.

— Мы не покупаем пока.

— Но собираетесь жить вместе?

Материнский тон.

Не осуждающий.

Но тот самый.

— Возможно.

— А свадьба?

Ты закрываешь глаза.

— Мам.

— Я просто спросила.

— Очень просто.

— Ну а что?

Вы взрослые.

Ты улыбаешься.

Именно поэтому вопрос сложнее.

— Мы это обсуждаем.

— И?

— Марк хочет.

Мать сразу:

— А ты?

— Возможно.

— Почему «возможно»?

Ты чувствуешь раздражение.

— Потому что это моя жизнь.

— Я не давлю.

— Ты уже спрашиваешь, почему мой ответ не такой, как тебе удобно.

Тишина.

Слишком резко?

Возможно.

Мать говорит:

— Хорошо.

— Прости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.